

ГЛАВА IV.

рямо отъ княгини Хенго возвратился на первый дворъ, гдѣ дожидался его Смерда. Оба они отправились въ темную, очень слабо освѣщенную избу, гдѣ обыкновенно ѣли рабочіе и челядь. Окно, какъ и всѣ вообще, закрывавшееся ставнею со стороны избы, выходило на дворъ; какъ разъ напротивъ этого окна были княжескія комнаты. Смерда и Хенго, стоя у окна, очень удобно могли видѣть, а отчасти и слышать, все, что происходило на пиру.

Теплый вечерній воздухъ позволялъ открыть окна, а это тѣмъ болѣе приходилось имъ на-руку, что въ избѣ духота стояла страшная.

Князь, видно, любилъ старый медъ и веселье, потому что пиръ оживлялся съ каждою минутою; онъ начался веселымъ разговоромъ, а теперь гудѣлъ веселыми пѣснями, криками и неумолкаемыми возгласами. Иногда веселое настроеніе переходило границу хорошаго расположенія духа: слышались споры, ворчливые голоса начинали обзывать другъ друга ругательствами; иногда на минуту водворялась тишина, а за нею сейчасъ же слѣдовали крики и брань. Хотя словъ нельзя было разслышать, но по звукамъ не трудно было догадаться, что въ княжескихъ комнатахъ веселье начало переходить въ звѣрское остервѣненіе. Ужинающіе, привыкшіе къ подобному шуму, спокойно отнормались къ спорамъ, происходившимъ въ княжескихъ избахъ. Одинъ Хенго съ боязнью прислушивался къ страннымъ крикамъ. Смерда, замѣтивъ это, улыбнулся и покачалъ головою.

— Все это старшины, жупаны, кметы, сказалъ онъ нѣмцу, желая объяснить ему происходившій у князя странный шумъ и гамъ. — Князь даетъ имъ пить волю; напившись, они болтаютъ весело; а подчасъ одинъ, другой скажетъ что нибудь обидное, а князь иногда бываетъ нетерпѣливъ. Случается гости поссорятся, котораго-нибудь задавать... что жъ! однимъ меньше. Иногда

дѣло доходить до кулаковъ, одинъ другого и убьетъ, а намъ какое до нихъ дѣло?

Пѣсни становились все громче, по временамъ онѣ напоминали ревъ дикихъ звѣрей, смѣхъ не смѣхъ, а какой-то вой; гнѣвъ походилъ на ворчаніе собакъ, готовыхъ броситься другъ на друга. Снова все притихло, раздавались только побѣдные возгласы; а тамъ шумъ снова начинался, новая ссора, новая драка, иногда слышались удары мечей... и опять тишина.... Хенго слышалъ громовый голосъ князя, который точно вихрь проносился среди бури. Мѣсяцъ подымался все выше и выше; наступила ночь; на дворѣ царствовала тишина. Теперь еще явственнѣе долетали до Смерды и Хенго голоса пьяныхъ кметовъ. Хенго, изнуренный дорогою, готовъ былъ заснуть, но любопытство заставляло дожидаться конца этого пиршества. Смерда, сидя тутъ же на скамьѣ, слушалъ.

Въ княжескихъ свѣтлицахъ всѣ притихли. Видно было, какъ поднимаются къ губамъ руки съ чарками вина. Всѣ охрипли. Послѣ продолжительнаго молчанія первымъ заговорилъ князь. Онъ смѣялся и издѣвался надъ кѣмъ-то. Едва успѣлъ онъ кончить, какъ буря снова поднялась, точно по его приказанію. Теперь даже его громкій голосъ, прерываемый ядовитымъ смѣхомъ, не могъ остановить ея. Князь смѣялся, а другіе бранились между собою. Послышались звуки разбиваемыхъ сосудовъ; столы и скамьи падали съ шумомъ, какія-то тѣни заслоняли собою свѣтъ, руки подымались вверхъ; ужасный крикъ раздался въ сѣняхъ и на дворѣ.

Челядь поднялась на ноги. Въ княжескихъ свѣтлицахъ буря шумѣла: крикъ, стукъ, гамъ, трескъ, призывы о помощи, которые прекращались какъ бы подъ давленіемъ сильной руки. Все это сливалось въ одинъ дикій ужасный шумъ, а надъ нимъ царилъ протяжный, адскій смѣхъ.

Хенго выглянулъ черезъ окно. Въ дверяхъ княжескаго дома онъ увидѣлъ большую, черную массу, освѣщенную луною. Это была груда людей, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ; они грызли другъ друга зубами, царапали, душили одинъ другого; связанная длинными веревками, груда человѣческихъ труповъ и еще живыхъ людей передвигалась медленно; точно морской валъ передвинулась она въ преддверіе, а оттуда рухнулась на дворъ. Здѣсь началась ужасная борьба: связанные душили другъ друга; виднѣлись обнаженные мечи, ищущіе еще живыхъ головъ, руки сжимали все, что въ нихъ попадалось. Князь стоялъ на крыльцѣ, подбоченившись, и хохоталъ во все горло, хохоталъ ужасно, дико.

Движущаяся масса человѣческихъ тѣлъ ползала по двору, не будучи въ состояніи развязать веревокъ, сжимающихъ ее въ одно цѣлое. Иногда только отпадалъ отъ нея недвижный трупъ, обезображенный, съ раздавленными членами.

На землѣ, въ красныхъ лужахъ крови, луна спокойно отражала свой образъ. Оставшіяся еще въ живыхъ, несчастныя жертвы прятались подъ лѣстницы и заборы. Нѣсколько человѣкъ, болѣе живучихъ, старались при-

встать, но силы ихъ оставили и они со стономъ упали на землю, чтобы уже болѣе не подняться. Умирающіе наполняли воздухъ душу раздражающими криками.

Когда все стихло, князь ударилъ въ ладони. По данному знаку, Смерда позвалъ княжескихъ слугъ и съ ними выбѣжалъ во дворъ.

— Въ озеро эту падалъ! крикнулъ князь.—Очистить дворъ! Вынесите этотъ гной!

Отдавая это приказаніе князь пилъ медъ изъ чарки, которую поставилъ на скамьѣ и самъ опустился на нее.

Несмотря на лунную ночь, слуги зажгли смолистыя лучины, а князь спокойно смотрѣлъ на умирающихъ своихъ товарищей, на свои жертвы. Еще не все умерли. Нѣсколько полуживыхъ кметовъ, издавая послѣднее дыханіе, ревѣли и изрыгали проклятія; на землѣ валялись трупы.

У самой лѣстницы лежалъ умирающій старецъ; умирая, онъ проклиналъ:

— Чтобъ ты исчезъ, Хвостъ проклятый... ты... и кровь твоя, и потомство твое, и родъ, и имя... Чтобъ ты пропалъ, провалился сквозь землю!..

Князь хохоталъ, смотря на проклинающаго его старика.

Въ воротахъ показалось нѣсколько женщинъ, съ испугомъ глядѣвшихъ на эту рѣзню. Между тѣмъ, челядь, подѣ начальствомъ Смерды, дѣйтельно очищала дворъ, относя трупы къ стѣнѣ; здѣсь срывали съ нихъ одежду, брали мечи изъ окоченѣлыхъ рукъ, обрывали ножны, снимали сапоги... Ободранныя тѣла несли на насыпь, откуда бросали ихъ въ воду, несмотря на то, что во многихъ жизнь еще не угасла. Слышно было, какъ тѣла падали въ воду; смѣхъ вторилъ этимъ похоронамъ. Слуги забавлялись бросаніемъ тѣлъ въ озеро. Вороны поднялись съ башни и, прилетѣвъ на озеро, кружились надъ нимъ, каркая и махая крыльями.

Хенго сидѣлъ на скамьѣ; онъ остолбенѣлъ, онъ опасался тронуться съ мѣста, онъ невольно боялся и за себя. Онъ не могъ понять, чѣмъ провинились эти жертвы, кто они и почему князь, вмѣсто того, чтобы жалѣть ихъ или сердиться, неистово хохоталъ.

Хенго, не зная что дѣлать, потихоньку вышелъ изъ избы и, около стѣны, хотѣлъ пробраться къ сыну, въ сарай. Князь въ это время прохаживался передъ своимъ домомъ, напѣвая какую-то веселую пѣсню. Быстрый его глазъ замѣтилъ нѣмца въ тѣни.

— Эй, ты! Поди сюда! крикнулъ князь и, какъ собакѣ, указалъ ему на свои ноги. Хенго боязливо приблизился. По походкѣ, по движенію и по словамъ не трудно было замѣтить, что князь напился до-пьяна.

— Вотъ видишь! Хорошій ужинъ! говорилъ князь, смѣясь. — Что жъ, нѣмецъ, видѣлъ ты, какъ они весело забавлялись? Имъ жарко было, — ну теперь они купаются въ озерѣ! Они сами передушили другъ друга... Они сами... Моихъ людей тамъ не было ни одного... А медъ, а умъ зачѣмъ? Эй! вы, саксонцы и франки проклятые, вы все умники, а? А кто бы изъ васъ сумѣлъ избавиться такъ отъ этой дряни?

Князь хохоталъ, держась за бока.

— Для моихъ людей останется много одежды, а для меня земля и лошади. Вотъ такъ пиръ, и меду не жаль!

Князь не могъ удержаться отъ смѣха.

— Напейся и ты меду, рыжее рыло! закричалъ онъ.

Хенго кланялся до самой земли, желая избавиться отъ тяжкаго испытанія, но тщетно. Мальчикъ поднесъ ему большую чарку меда, а когда онъ не рѣшался напиться, князь велѣлъ ему насильно лить въ горло. Двое слугъ поймали нѣмца, придержали его, а мальчуганъ открылъ ему ротъ пальцами и, смѣясь, вылилъ ему медъ въ горло. Нѣмецъ поклонился за угощеніе и намѣревался уйдти, боясь за свою голову, которую легко можно было потерять въ эту минуту, но князь сѣлъ на скамью и призвалъ его. Нѣмецъ подошелъ къ скамьѣ.

— Что видѣлъ, началъ полусонный князь, — Расскажи старому графу. А какъ я началъ, такъ и окончу... Ни одинъ не ускользнетъ изъ моихъ рукъ. Сыновьямъ я оставляю миръ дома... Кметамъ хотѣлось слишкомъ высоко летать... нужно было ихъ обуздать... Скажи, что я ихъ не боюсь... а помощи не прошу... что я ихъ уже много передушилъ и до послѣдняго уничтожу.

Вдругъ какъ будто бы Хвостъ вспомнилъ о чемъ-то и далъ знакъ рукою, чтобы Хенго подошелъ ближе.

— Видѣлъ ты моихъ молодцовъ? Выросли? началъ онъ, не дожидаясь отвѣта нѣмца. — Они должны быть не малы. Сильны они? Въ отца или въ мать? Ходили на врага?

Хенго старался дать отвѣты на всѣ вопросы князя, котораго онъ боялся. Князь дремалъ, глаза его сами закрывались. Онъ съ просонья бормоталъ про себя:

— Я заведу у васъ порядокъ, будетъ вамъ ладъ. Будетъ у васъ Ладъ... за бороду буду вѣшать у дороги... Я одинъ здѣсь князь и властелинъ... Моей быть волѣ, не вашей!.. Вонъ съ этою падалью... вонъ!

Онъ открылъ глаза, замѣтилъ стоявшаго передъ нимъ нѣмца и улыбнулся.

— Видѣлъ охоту? обратился князь къ Хенго. — Удачная охота... звѣрь жирный... мои вороны покушаютъ до сыта...

Онъ началъ напѣвать какую-то пѣсню и снова вздремнулъ.

— Племянникъ безглазый... еще двое ихъ осталось... и этихъ привести... они уже клялись уничтожить меня... Жизни я у него не отнималъ... пусть гніетъ въ темницѣ...

Онъ началъ считать по пальцамъ.

— Войтась... Жирунь... Гѣзло... Курда... Мстивой... пять семействъ... Бабъ должны завтра сюда пригнать... и стада...

Онъ смѣялся, болталъ и дремалъ. Хенго боялся тронуться съ мѣста, не получивъ отъ князя разрѣшенія. Самборъ тоже вышелъ на дворъ, — спать ему не хотѣлось, — а явилось желаніе посмотрѣть на свирѣпаго властелина. Молодой парень тихонько подошелъ къ спящему князю; прислуши-

ваясь къ его бормотанію, онъ невольно грозно посмотрѣлъ на него, встряхнулъ головою и немедленно тѣмъ же путемъ возвратился въ избу.

Между тѣмъ, князь уснулъ крѣпкимъ сномъ. Храпѣніе его раздавалось все громче и громче, голова все ниже опускалась на грудь. Немного спустя въ дверяхъ показалась женщина и двое парней. Не смотря на сопротивление пьянаго Хвоста, они насильно подняли его и повели, вѣрнѣе, потащили въ домъ. Двери за ними захлопнулись.

Хенго, опьянѣвшій отъ меда, испуганный разыгравшейся передъ его глазами кровавою драмою, придерживаясь стѣнъ, направился нетвердыми шагами къ своимъ лошадямъ и здѣсь легъ на соломѣ.

На дворѣ погасли лучины. Луна освѣщала черныя лужи застывающей крови и забытые у преддверія трупы, не могущіе до сихъ поръ еще проститься съ жизнью; кровь еще струилась изъ ранъ несчастныхъ кметовъ; они, опьянѣвшіе отъ меда, не чувствовали, какъ остатки жизни уходили изъ нихъ. Дворовые и челядь, показывая на нихъ пальцами, хохотали и глумились надъ умирающими.

— Всѣмъ имъ такъ будетъ, кметамъ, жупанамъ и старшинамъ, которые не хотятъ слушаться его милости, нашего князя.

Смерда заглядывалъ во всѣ углы и закоулки двора; слуги расходились ночевать по одиночкѣ. Тишина царствовала теперь въ городѣ, гдѣ недавно еще раздавались звуки пѣсенъ и стоны умирающихъ. Собаки выли, почуявъ кровь, а вороны, каркая, садились на верхушку башни, гдѣ были ихъ гнѣзда, или кружились надъ водою. По милости Смерды, нѣсколько забытыхъ жертвъ умирало спокойно.

Когда Хенго проснулся на слѣдующее утро, солнце успѣло уже пройти часть своего ежедневнаго пути. Надъ нимъ стоялъ Герда и старался разбудить отца, такъ какъ князь звалъ нѣмца къ себѣ. Когда Хенго, умывшись, побѣжалъ къ нему, князь сидѣлъ одинъ у стола въ своей избѣ; передъ нимъ стояло жареное мясо, чарки пива и меду. Его затекшіе кровью глаза свирѣпо перебѣгали съ предмета на предметъ. Онъ долго смотрѣлъ на нѣмца молча. Наконецъ проговорилъ:

— Я знаю зачѣмъ тебя прислали, началъ онъ съ гордостью;—скажи, что я имъ благодаренъ, но въ помощи ихъ не нуждаюсь и нуждаться не буду. А если бы когда нибудь случилась въ ней надобность, я обращаюсь къ нимъ самъ. Мнѣ удобнѣе безъ нихъ, они даромъ не придутъ и какимъ нибудь пустякомъ не зажмешь имъ ртовъ. Знаю я ихъ. Возвращайся къ нимъ и передай мой поклонъ старому графу; пусть учить хорошенько моихъ парней воевать; пусть живутъ тамъ и вернутся, когда я прикажу; теперь же не время. Здѣсь еще нужно чистить; не скоро еще я избавлюсь отъ этихъ червей. Старый графъ пусть успокоится, прибавилъ князь, — хотя здѣсь народъ дикій, привыкшій къ своеволію, но я съумѣю его обуздать.

Князь напился пива и задумался. Хенго стоялъ передъ нимъ. Наконецъ онъ указалъ нѣмцу дверь.

Едва Хенго успѣлъ выйдти отъ князя, какъ у порога встрѣтилъ того же мальчугана, который вчера позвалъ его къ княгинѣ. Ея милости угодно было призвать къ себѣ нѣмца съ товаромъ. Хенго, взявъ свой узелъ, отправился къ ней.

Княгиня, окруженная своими слугами, дожидалась нѣмца въ той же свѣтлицѣ, гдѣ онъ видѣлъ ее вчера. Слуги княгини были такъ же блѣдны, какъ и ихъ госпожа: лица ихъ, быть можетъ, еще недавно подернутыя краснымъ румянцемъ, выцвѣли здѣсь, вдали отъ родины, среди чужихъ. Хенго, какъ опытный торговецъ, зналъ что кому слѣдуетъ показать. Въ Вишевой хижинѣ онъ показывалъ металлъ средняго достоинства, желтый и красный, здѣсь же онъ вынулъ изъ сумки серебряныя кольца, золотыя листики и цвѣты, выдѣланные изъ тоненькихъ золотыхъ листочковъ, которыми женщины обшивали платья. Женщины немного оживились, смотря на блестящія бездѣлки; онѣ брали ихъ въ руки, прикладывали къ платьямъ. Хенго и не замѣтилъ какъ весь его товаръ разошелся по рукамъ. Онъ стоялъ, не смѣя сказать ни слова, когда мальчуганъ отворилъ двери и въ комнату вошелъ князь въ колпакѣ, закрывавшемъ ему почти совсѣмъ глаза. Стоя у порога онъ смотрѣлъ на женщинъ, любясь личиками тѣхъ, которыя были моложе и красивѣе своихъ товарокъ. Князь бросилъ взглядъ и на товаръ, но какъ-то презрительно при этомъ улыбнулся, а когда княгиня замѣтила ему, что для ея женщинъ все это пригодилося бы, князь, смѣясь, приказалъ нѣмцу оставить все, что принесъ.

Нѣмецъ не посмѣлъ даже заикнуться о замѣнѣ или возмездіи, а князь и не думалъ объ этомъ. Наконецъ, когда Хенго, желая спасти хотя оставшееся въ сумѣ добро, началъ ее связывать, князь нахмурился и крикнулъ:

— Скажи графу, что мы все это принимаемъ въ подарокъ для Брунгильды и пусть онъ наградитъ тебя за это. Нечего здѣсь долго стоять. Совѣтую тебѣ возвратиться къ своимъ поскорѣе, да не оглядываться.

Хенго не дожидаясь, чтобы ему вторично повторили этотъ совѣтъ и немедленно вышелъ, упрекая себя, что показалъ дорогой товаръ. Онъ уже былъ за дверью, когда княгиня, сжалившись надъ нимъ, выслала одну изъ своихъ прислужницъ сказать ему, чтобы онъ не печалился, что она вознаграждать его за товаръ. Нѣмецъ обрадовался и остановился въ сѣняхъ. Къ нему вышла какая-то старуха и повела его въ ближайшую избу. Здѣсь груды мѣховъ и разнаго добра валялись на полу. Старуха позволила ему выбрать что придется по его вкусу. Хенго, радуясь, что хотя чѣмъ-нибудь вознаградить свой убытокъ, подарилъ серебряную цѣпочку старухѣ, наложилъ себѣ на плечи мѣховъ и разныхъ кожъ, сколько былъ въ состояніи унести, и торопливо выбѣжалъ къ лошадямъ.

Суетливая бѣготня на дворѣ и крики, и призывы какъ бы указывали ему, что ему нужно немедленно уходить отсюда, если не желаетъ потерять ни имущества, ни жизни. Когда Хенго вышелъ во дворъ, гдѣ стояли его лошади, до него долетѣли крики и оханія женщинъ, стоявшихъ у стѣнъ города.

Ворота были заперты. Со стороны моста слуги князя загораживали путь; Хенго теперь только увидѣлъ, что толпа всадниковъ и пѣшихъ воиновъ, между которыми было много женщинъ, требовала входа въ городъ, желая говорить съ княземъ.

Смерда и его товарищи бичами и копьями старались удержать напавшую толпу. Плачь, проклятія, оханія и угрозы наполняли воздухъ страшнымъ шумомъ.

Это были семейства кметовъ, жупановъ и старшинъ, вчерашнихъ княжескихъ гостей, которые уже узнали о страшной рѣзнѣ... Нельзя было увѣрить ихъ, что ничего подобного не было: окровавленные трупы плавали по озеру у самого моста, нѣкоторые лежали на берегу, выброшенные сюда волною. Женщины плакали и протягивали къ нимъ руки, стоя на колѣняхъ и вырывая себѣ волосы въ отчаяніи. Трупы—это вѣдь мужья ихъ и отцы! Братья ихъ и сыновья, скрежеща зубами, стояли подъ стѣнами города и проклинали Хвоста, не падя самыхъ оскорбительныхъ названій.

Усиливающийся съ каждою минутою шумъ и крикъ слышалъ князь и вышелъ на крыльцо, остановился и, подбоченившись, смотрѣлъ на своихъ слугъ, отталкивающихъ толпу отъ входа въ городъ. Толпа съ каждою минутою становилась все больше. Разъяренные кметы показывали князю сжатые кулаки, но онъ хохоталъ надъ ихъ безсильнымъ гнѣвомъ.

Все это продолжалось довольно долго, наконецъ Смерда, по приказанію князя, впустилъ въ городъ троихъ изъ осаждающихъ. Несчастные шли съ обнаженными головами, заливаясь слезами; подойдя къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ князь, они хотѣли заговорить, но онъ началъ первый.

— За что же вы проклинаете меня? крикнулъ онъ; — сукины сыны, ослушники! Чѣмъ я виноватъ? Я не трогалъ ихъ, ни одного изъ нихъ я не приказывалъ убивать, хотя я могъ это сдѣлать и они заслужили казню; имъ давно уже слѣдовало отрубить головы. Кто ихъ заставилъ ссориться и драться между собою? Изба въ крови, весь дворъ въ крови; они нарушили спокойствіе моего столба. Какъ собаки они грызли другъ друга и подохли.

Князь грозно показалъ кулаки.

— По дѣломъ! Старая славянская свобода засѣла имъ въ головы? Всѣмъ такъ будетъ, всѣмъ, кто только вздумаетъ добиваться свободы. Трупы плаваютъ, можете ловить ихъ, никто вамъ не мѣшаетъ. Убирайтесь домой пока еще цѣлы ваши головы. Не я ихъ убійца, повторяю вамъ.

Онъ еще не окончилъ своихъ угрозъ, когда изъ подъ лѣстницы, гдѣ росла высокая трава и густой лопушникъ, поднялся полумертвый человѣкъ; онъ едва держался на поломанныхъ ногахъ. Лицо его, покрытое кровью, обезображенное и изуродованное, казалось лицомъ мертвеца. Искалѣченный княжескій гость, участникъ шумнаго пиршества, обратился въ сторону князя и, поднявъ вверхъ обѣ руки, закричалъ охрипшимъ голосомъ:

— Не онъ насъ убилъ! Онъ невинентъ! Онъ только дурману подсыпалъ въ медъ... натравливалъ брата на брата... дразнилъ, вызывалъ... глаза на-

Въ ту же минуту княжескіе слуги бросились къ разъяренному старику и набросили ему петлю на шею (стр. 67).

полнились кровью, мы потеряли сознание... Онъ невиновенъ! Онъ... онъ, повторилъ несчастный, стараясь подойти ближе къ князю, — онъ... собачье отродье... самъ нѣмой... чтобъ онъ сдохъ какъ собака!»

Полный негодованія, полумертвый кметъ нагнулся, поднялъ лежавшій у его ногъ камень, на которомъ виднѣлись слѣды засохшей крови и бросилъ его въ сторону князя. Должно быть гнѣвъ его былъ великъ, потому что, не смотря на его слабость, камень свиснулъ въ воздухъ и, попавъ въ окно, разбилъ раму. Въ ту же минуту княжескіе слуги бросились къ разъяренному старику и набросили ему петлю на шею. Старикъ упалъ; слуги потащили мертвеца къ насыпи, чтобы бросить его въ воду.

Кметы отошли въ сторону; увидѣвъ у ногъ своихъ обезображенное тѣло своего брата, они грозными криками мщенія потрясли воздухъ... Никто не посмѣлъ тронуть ихъ и они, никѣмъ не задерживаемые, вышли къ своимъ, а нѣсколько времени спустя гурьбою, съ крикомъ и гамомъ, отъѣхали отъ города. Остались только женщины у моста, желая убрать тѣла убитыхъ воиновъ.

Княжескіе слуги вышли изъ города, не съ тѣмъ, чтобы помочь женщинамъ, но желая выбрать изъ нихъ болѣе красивыхъ и увести ихъ въ городъ. Трехъ красавицъ, не смотря на ихъ крикъ и сопротивленіе, слуги силою привели въ городъ. Князь съ улыбкою смотрѣлъ на шалости своихъ людей.

Немного времени спустя тишина воцарилась въ городѣ. У стѣнъ, по берегамъ озера, женщины относили въ сторону мертвецовъ, которыхъ вода выбросила на берегъ. Другія на лодкахъ плыли къ тѣмъ трупамъ, которые еще покоились на поверхности воды.

Хенго торопился привязать къ лошадямъ остатки своего имущества и полученныя отъ княгини мѣха и кожи, чтобы поскорѣе убраться изъ города. Хенго и Герда, еще болѣе испуганный, чѣмъ его отецъ, торопливо бѣжали, чтобы до полудня успѣть выѣхать за городскія стѣны. На пути они встрѣтили поджидавнаго ихъ Самбора. Опечаленный и унылый Самборъ подошелъ къ нѣмцу. Онъ убѣдился сначала не подсматриваетъ ли за ними кто нибудь изъ слугъ.

— Добрый человѣкъ, обратился онъ къ Хенго: — мнѣ кажется ты не злой человѣкъ, скажи, на обратномъ пути пройдешь ты мимо Вишева села?

Не смѣя или не желая отвѣчать, Хенго наклоненіемъ головы подтвердилъ догадку Самбора.

— Передай имъ мой поклонъ, просилъ Самборъ, — я скучаю безъ нихъ, хотя здѣсь нѣтъ недостатка въ весельи и славно живетъ у князя. Чего же еще? смѣху вдоволь!... Расскажи имъ все, что ты видѣлъ и какъ мы тутъ славно пируемъ!.. Они будутъ радоваться, что я здѣсь. Можетъ быть, я бы убѣжалъ отсюда, и стѣны, и вода, и колоды не удержали бы меня, если бы здѣсь не было такъ весело. Расскажи, повторилъ онъ, — обо всемъ, что ты здѣсь видѣлъ.

Хенго видимо былъ недоволенъ этою задержкою; онъ смотрѣлъ то на

своихъ лошадей, то въ сторону города, боялся звука собственнаго голоса и потому кивнулъ Самбору головою.

— Скажи имъ, прибавилъ еще Самборъ,—что вчера здѣсь было много кметовъ, многіе изъ нихъ заплатились жизнію и какіе похороны имъ были! Обѣщаютъ, что каждый день будетъ такое веселье. Въ темницѣ, подъ башнею, не считая племянника, которому вырѣзали глаза, сидитъ тоже нѣсколько кметовъ; прійдетъ очередь и для другихъ.

Хенго, все кивая головою и оглядываясь на башню, далъ знакъ рукою Самбору, чтобы онъ посторонился. Нѣмецъ и его сынъ сѣли на лошадей—времени нельзя было терять понапрасну. Князь съ своего крыльца видѣлъ, какъ они тронулись, но ничего не сказалъ. Когда Хенго очутился за стѣнами города, лицо его повеселѣло. Онъ предпочиталъ пустыню княжескому гостепріимству.

Отецъ и сынъ поскакали тѣмъ же путемъ, которымъ вчера Смерда привелъ ихъ въ городъ. Дорога была такъ же пустынна, какъ вчера. До тѣхъ поръ пока можно было видѣть высокій столбъ и летающія надъ нимъ стада черныхъ хищниковъ, нѣмецъ съ боязнью оглядывался по сторонамъ, какъ бы ожидая съ минуты на минуту приказанія вернуться обратно въ городъ. Герда не смѣлъ проговорить ни слова: бѣдныя еще дрожали отъ испуга. Вскорѣ они вѣхали въ густой лѣсъ и здѣсь вполнѣ успокоились. Хенго, привыкшій къ скитаніямъ, запомнилъ до мельчайшихъ подробностей тѣ мѣста, по которымъ велъ ихъ Смерда. Однакожъ осторожный нѣмецъ, желая избѣжать возможной встрѣчи болѣе грозныхъ людей, чѣмъ слѣпые гусляры, предпочелъ ѣхать лѣсомъ, заранѣе обдумывая мѣсто ночлега, потому что не рассчитывалъ въ одинъ день доѣхать до Вишева жилища. Наши путники смѣло проѣхали въ бродъ рѣку. До сихъ поръ они никого еще не встрѣтили на пути. Вдали только козы, увидя людей, бѣжали въ лѣсъ, а стаи птицъ перелетали на сосѣднія болота.

Начало вечерѣть... Хенго увидѣлъ на пригоркѣ большой камень, окруженный цѣлымъ лѣсомъ меньшихъ. Это мѣсто Хенго хорошо запомнилъ. Здѣсь они отошли отъ рѣки въ глубь лѣса и остановились на небольшой полянѣ. Корму для лошадей было здѣсь много. Хенго и Герда развели огонь, построили небольшой шалашъ изъ вѣтвей и улеглись въ немъ на землѣ.

Майская ночь прошла скоро; чуть свѣтъ завывающая вдали и приближающаяся къ нимъ буря разбудила ихъ громовыми ударами и ливнемъ. Хенго заторопился. Немного спустя они ужъ сидѣли верхомъ, готовые тронуться въ путь. Хенго обратился къ сыну съ увѣщаніемъ.

— Ты смотрѣлъ и слушалъ, сказалъ онъ сыну,—видѣлъ все, что происходило въ городѣ. Я велѣлъ тебѣ молчать и дѣлать видъ, что ты не понимаешь ихъ рѣчи! Молчи и теперь—не говори ни слова.

Хенго, а за нимъ Герда поскакали впередъ, направляясь къ Вишевой хатѣ. Дождь не переставалъ идти ни на минуту, лошади скользили по мокрой землѣ; всадники волей-неволей принуждены были убавить шагъ. Солнце

начало просвѣчивать сквозь тучи, когда они увидѣли заборы, избы и столбы выходящаго изъ нихъ дыма... На лугу паслись лошади и жеребята.

Вишъ стоялъ на пригоркѣ у рѣки и осматривалъ свое хозяйство; собаки лежали у ногъ старика. Нѣмецъ издали поклонился хозяину и старикъ сейчасъ же направился къ нему. Собаки готовы были броситься на чужого, но Вишъ заставилъ ихъ притихнуть и отогналъ прочь.

Въ глазахъ Виша видѣлось любопытство; онъ, казалось, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что нѣмецъ вернулся отъ князя цѣль и невредимъ; онъ внимательно осматривалъ своего гостя, бросая взглядъ также на его сына, лошадей и сѹмы.

— О! что-то не долго пробылъ ты въ городѣ, сказалъ онъ, улыбаясь, — какъ устроилъ свои дѣла, ничего?

— Э! нечего было дѣлать тамъ, даромъ время терять не хотѣлось, я и уѣхалъ, отвѣчалъ Хенго. — Притомъ же, мнѣ надо было поскорѣе выѣхать изъ незнакомыхъ мѣстъ.

Отвѣчая Вишу и убѣдившись, что собаки не бросятся на него, нѣмецъ передалъ поводья Гердѣ, а самъ отправился за хозяиномъ. Когда они остались одни, Вишъ посмотрѣлъ въ глаза нѣмцу, какъ бы желая прочитать въ нихъ то, чего Хенго не хотѣлъ сказать.

— Какія новости въ городѣ? спросилъ онъ.

Хенго долго молчалъ, какъ бы не зная, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Не многое пришлось мнѣ видѣть, еще меньше слышать, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья. — Парень вашъ присылаетъ всѣмъ поклонъ... ему тамъ, кажется, понравилось.

— Молодому вездѣ хорошо, проговорилъ какъ бы про себя хозяинъ и вздохнулъ.

Изъ отвѣта нѣмца не трудно было заключить, что ему не хотѣлось отвѣчать на вопросы хозяина. Вишъ началъ осторожно спрашивать Хенго о князѣ, о жизни въ городѣ, о томъ и другомъ, что его интересовало, но не получая удовлетворяющихъ его любопытство отвѣтовъ, замолкъ.

Парни встрѣтили Герду у воротъ, какъ хорошаго знакомаго, отвели его и его лошадей въ сарай. Герда дрожалъ, не будучи въ состояннн успокоиться отъ вчерашняго испуга и сегодншняго дождя, промочившаго его до костей. Челядь Виша, замѣтивъ, что парень дрожитъ какъ въ лихорадкѣ и не зная, что онъ понимаетъ ихъ языкъ, почти насильно повела его въ хижину, гдѣ веселый огонь пылалъ на каминѣ.

Въ этой избѣ женщины приготовляли тѣсто для хлѣба, пересѣявали муку, а служанки, напѣвая веселыя пѣсни, вращали жернова.

Почти не было работы дома или въ полѣ, за которою, по тогдашнимъ обычаямъ, славяне не пѣли бы веселыхъ, а иногда и печальныхъ пѣсенъ. Пѣсня—это былъ лучшій другъ труда, особенно женскаго. Молодые дѣвушки, точно птички, пѣли все время пока были молоды. Пѣснѣ обучались вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ. Славяне пѣли, погоняя скотину въ поле; пѣли пѣсни въ

честь Гонилы, пася свой скоть; женщины пѣли за прялкою, пѣли вращая жернова, пѣли когда радовались чему-нибудь или печаль-горе тяготило ихъ. Были у нихъ старыя пѣсни, которымъ дочери обучались отъ своихъ матерей, чтобы потомъ выучить имъ своихъ внучатъ; пѣсни, созданныя цѣлыя вѣка тому назадъ, изъ которыхъ — по пословицѣ — и одного слова нельзя было выбросить. Но кромѣ этихъ были и веселыя или заунывыя пѣсни, которыя выходили прямо изъ сердца поющего, а кто ихъ первый запѣлъ, тотъ самъ не зналъ откуда онѣ явились и какъ сложились у него. Ктонибудь подслушаетъ, прибавитъ къ нимъ два-три слова, измѣнитъ въ нихъ чтонибудь третій, и такъ рождались эти пѣсни отъ многихъ, никому неизвѣстныхъ отцовъ; какъ вдовы гроши шли онѣ въ народную сокровищницу, невѣдомо кѣмъ брошенные въ нее, увеличивая народное богатство.

Когда Герда вошелъ въ избу и услышалъ эти пѣсни, которыя его родная мать любила напѣвать на чужой землѣ, когда испытывала горе и заливалась слезами, онъ невольно прослезился. Сердце у него билось такъ сильно, какъ будто тутъ же около него стояла его родная мать. Онъ забылъ, что ему запрещено говорить, что онъ долженъ прикидываться пѣмымъ, и невольно вырвалось у него:

— Мать моя... родная!

У самыхъ дверей стояла Дива; присматривая за слугами, прислушиваясь къ ихъ пѣснямъ и она тихо что-то напѣвала. Она одна только услышала произнесенныя Гердою слова. Мальчикъ, замѣтивъ свою ошибку, покраснѣлъ и забился въ самый темный уголъ. Дива подошла къ нему и, протянувъ къ нему руку, дотронулась до его плеча. Герда дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Не бойся, сказала она ему, — я никому не скажу.

Она отошла къ очагу, налила пива въ горшокъ, приставила его къ огню, затѣмъ поднесла Гердѣ, который съ жадностью схватилъ поданный ему напитокъ, смотря на Диву глазами, блестящими отъ слезъ.

Этимъ взглядомъ онъ благодарилъ Диву. Дѣвушка взяла Герду за руку и повела въ сѣни. Герда взялъ ея руку, какъ въ дѣтствѣ бралъ когда-то въ свои рученки руку матери — и поцѣловалъ. На рукѣ Дивы осталась его слеза.

— Мнѣ запретили говорить! едва слышно проговорилъ Герда. — Отецъ убьетъ меня, если узнаетъ! Не говори никому, не говори! Я не пѣмой, мать моя говорить по вашему; она изъ вашихъ!

Дива ласкала его рукою по головѣ.

— Ничего и никого не бойся, сказала ему Дива, — расскажи мнѣ, что видѣлъ ты въ городѣ?

— А! ужасныя, страшныя дѣла! Отъ нихъ волосы дыбомъ становятся на головѣ и дрожь по костямъ пробѣгаетъ! Я видѣлъ тамъ кровь... цѣлыя лужи крови... всю ночь слышалъ стоны умирающихъ и смѣхъ дикій, точно голосъ филина!

Онъ умолкъ, боязливо оглядываясь.

— Говори, сказала ему Дива,— всю правду говори, какъ сказалъ бы ее родной матери, если бы она велѣла тебѣ разсказать обо всемъ, что ты видѣлъ тамъ.

Нѣжный голосъ дѣвушки растрогалъ мальчика.

— Намъ нуженъ твой разсказъ, прибавила она, лаская Герду, и наклонилась къ нему.

Герда со слезами на глазахъ началъ ей разсказывать обо всемъ, что происходило вчера у княжескаго столба, какой кровавый пиръ устроилъ князь, какъ на дворѣ убивали другъ друга опьянѣлые кметы, какъ потомъ ихъ мертвыя тѣла бросали въ озеро, какъ князь хохоталъ при этомъ, а вороны каркали и собаки были съ радости или боязни. Онъ говорилъ ей потомъ, какъ голодные собаки князя пили кровь изъ лужъ, которыми былъ переполненъ весь дворъ, какъ на слѣдующій день утромъ плакали и горевали женщины, какъ онѣ собирали трупы и проклинали князя.

Герда разсказывалъ, а Дива блѣднѣла, ея нѣжное дѣвичье лицо приняло мужественное выраженіе, глаза, казалось, горѣли тысячами огней изъ подъ черныхъ рѣсницъ, а ея бѣлыя руки сжимались, какъ будто бы она въ нихъ держала мечъ. Все выше и выше гордая красавица поднимала свое чело, на которомъ гнѣвъ и печаль мѣнялись съ каждою минутою, покрывая его красною и мертвенно-блѣдною краскою.

Герда приходилъ уже къ концу своего разсказа, когда Вишъ и Хенго вошли въ сѣни. Словоохотливый мальчуганъ, опасаясь быть замѣченнымъ отцомъ, едва успѣлъ проскользнуть изъ сѣней около стѣнъ и заборовъ въ сарай, гдѣ стояли лошади, припалъ къ землѣ и накрылся кускомъ сукна, которое ему попало подъ руки. Дива, какъ вкопанная, стояла въ сѣняхъ, не будучи въ состояніи тронуться съ мѣста. Когда Вишъ, проходя около нея, посмотрѣлъ ей въ лицо, онъ прочелъ на немъ, что въ ея душу попала искра, отъ которой закипѣли въ ней гнѣвъ и месть. Дива глазами объяснила отцу, чтобы онъ теперь ее ни о чемъ не спрашивалъ. Вишъ понялъ свою любимицу и прошелъ мимо нея съ Хенго, дѣлая видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на свою красавицу-дочь.

Едва Хенго успѣлъ войти въ избу, какъ всѣ пѣсни затихли: женщины точно по волшебному мановенію умолкли. Смѣхъ только пробѣжалъ отъ одного конца избы къ другому, какъ вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ. Теперь слышенъ былъ трескъ горящихъ дровъ на очагѣ, жернова шипѣли, у огня кипѣла вода, да остатки дождя мѣрно катились съ крыши и падали на камни передъ окнами.

Хенго приняли, какъ подобало принимать гостя, но нѣмецъ сѣлъ за столomъ, угрюмый и недовольный собою; онъ молчалъ и, казалось, ротъ его не намѣренъ былъ открываться для вопросовъ. Напрасно Вишъ спрашивалъ, напрасно старуха Яга, которая принесла большую миску съ кушаньемъ, старалась узнать, какъ живетъ ея Самбору—Хенго отдѣливался незнаемъ.

Небо начало проясняться. Черная туча, принесшая съ собою бурю,

все еще стояла надъ лѣсомъ; по темной ея одеждѣ передвигались молніи точно змѣи, но надъ хижиной Виша лазурное небо улыбалось, а солнце посылало ласкающіе лучи свои. Пернатые пѣвуньи стряхивали остатки дождя съ своихъ крылышекъ, сидя на крышѣ хаты или чиркая и летая вокругъ дома. Ласточки собирали тину для своихъ жилищъ, а воробьи вели нескончаемые споры изъ за найденнаго зернышка. Анстъ собирался въ путь-дорогу.

Нѣмецъ едва дотронулся до кушанья. Онъ видимо былъ не въ духѣ. Вишъ, отдавъ оставленныя у него сумы Хенго, простился съ нимъ молча и вскорѣ нѣмецъ исчезъ въ лѣсу. Вишъ, стоя у воротъ, смотрѣлъ вслѣдъ за отбѣзжающими. Въ это время къ нему подошла Дива. Вишъ улыбнулся своей любимицѣ ласково. Каждый разъ какъ старикъ взглядывалъ на свою красавицу дочь, всегда на лицѣ его можно было замѣтить улыбку. Она обыкновенно улыбкою отвѣчала на улыбку старика, но теперь она не могла смѣяться: печаль и горе подавляли Диву. Красавица взяла отца за руку и повела къ рѣкѣ.

— Ничего тебѣ нѣмецъ не говорилъ? спросила она.

— Молчалъ точно могила, отвѣчалъ старикъ.

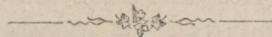
— А мнѣ удалось многое узнать отъ нѣмого мальчика, начала Дива. — Сынъ Хенго разсказалъ мнѣ ужасы! Тебѣ необходимо знать все — отъ столба дуютъ все болѣе и болѣе грозные вѣтры. Послушай! Мальчикъ не вралъ, онъ дрожалъ весь отъ испуга, разсказывая мнѣ вчерашнюю исторію, и плакалъ.

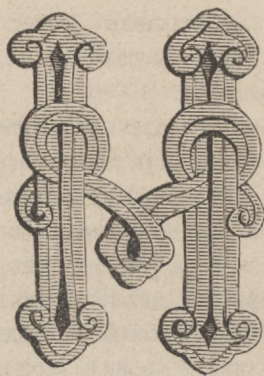
Дива вполголоса начала объяснять старику все, что узнала отъ Герды. Вишъ слушалъ молча: онъ точно камень ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не выразилъ гнѣва или ужаса. Дива давно уже окончила свой разсказъ, а Вишъ все слушалъ. Долго еще думалъ старикъ свою думу, наконецъ поднялъ голову и глубоко вздохнулъ.

— Пора! произнесъ онъ, — пусть совершится чему не миновать. Нужно созвать вѣче; давно ужъ его не было, безъ него люди потеряли голову. Пора намъ посовѣтоваться, разослать призывы, собрать всю братію. Пусть берутъ мою старую голову; если она имъ на что-нибудь пригодится; что прикажутъ, все сдѣлаю, а ты, красавица моя, молчи!

Дива подошла къ отцу и поцѣловала его въ руку.

— Коляда не оставитъ тебя! сказала она.

ГЛАВА VII.

Н е много времени спустя Вишъ вышелъ изъ своей избы, но онъ до того измѣнился, что трудно было узнать въ немъ того же прибитаго горемъ старца, который часъ тому назадъ съ опущенною внизъ головою слушалъ разсказъ Дивы. Дома онъ обыкновенно носилъ полотняную одежду и ходилъ безъ сапогъ; теперь же старикъ одѣтъ былъ въ дорожное платье — новую коричневаго цвѣта сермягу, обшитую синими лентами; на ногахъ у него были одѣты кожаные сапоги, перевязанные красными шнурами, на головѣ мѣховая шапка съ бѣлымъ перомъ. У кушака висѣли блестявшій отъ солнца мечъ и праща, а черезъ плечо Вишъ забросилъ лукъ и пучекъ стрѣлъ. Онъ выглядѣлъ теперь истымъ воинномъ; поступь твердая, гордо поднимающаяся голова и повелительный, звучный голосъ—все это придавало старику воинственный видъ. Онъ на двадцать лѣтъ казался теперь моложе.

У воротъ два парня держали трехъ осѣдланныхъ скакуновъ, покрытыхъ попонами; парни были вооружены и чисто одѣты. Они дожидали здѣсь своего хозяина, готовые отправиться въ путь по его приказанію. Всѣ—родня и слуги — провожали Виша и цѣловали его руки. Старуха Яга, отирая слезы фартукомъ, шла за мужемъ; она предугадывала, бѣдняга, что быть горю непременно. Старый Вишъ, который столько лѣтъ никуда не ѣздилъ со двора, развѣ въ лѣсъ или на пчельникъ—вдругъ, никому не говоря ни слова куда и зачѣмъ, въ путь собрался, одѣлся, приказалъ приготовить лошадей и вотъ прощается со всѣми.

Старуха и Дива слѣдовали за Вишемъ до самыхъ лошадей. Пѣгій конь стараго воина нетерпѣливо билъ копытомъ объ землю, ожидая своего господина. Умное животное, увидѣвъ Виша, обратило свою голову въ его сторону и весело заржало. Одинъ изъ парней подскочилъ къ Вишу, желая помочь ему сѣсть на лошадь, но старикъ, какъ будто бы къ нему вернулась сила давно миновавшей молодости, вскочилъ безъ всякой помощи на своего коня, поклонился своимъ, рукою указалъ по направленію къ лѣсу,—и молча трое всадниковъ тронулись въ путь. Долго они ѣхали вдоль рѣки по ея берегу

Въ одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько жалкихъ хижинъ у самой воды, передъ ними висѣли сѣти на высокихъ жердяхъ, нѣсколько лодокъ отдыхало на пескѣ. Хижины выглядѣли убого; до половины зарытыя въ землѣ жилища эти все таки имѣли болѣе бодрый видъ, чѣмъ ихъ обитатели. Вишъ громко крикнулъ, желая вызвать кого-нибудь изъ жителей этой бѣдной, заброшенной деревушки. Двое полунагихъ мужчинъ выбѣжало на этотъ зовъ. Вся эта деревня выросла очень недавно на земляхъ старика: основало ее здѣсь нѣсколько никому неизвѣстныхъ бѣдныхъ скитальцевъ. Деревня носила названіе Рыбаковъ. Нѣсколько дѣтей и почернѣвшая отъ дыма старуха, слышавъ голосъ хозяина, убѣжали отъ него, остались только мужчины. Они бросали косые, боязливые взгляды на старика, едва отвѣчая на его вопросы.

Нѣсколько дальше въ лѣсу Вишу и его спутникамъ попалась на пути такая же почти деревушка, Бондари. Нѣсколько жалкихъ хатъ тѣснились одна около другой. У дверей каждой изъ нихъ лежали кучи стружекъ и разбросанныя въ беспорядкѣ кленки и деревянные издѣлія. Въ эту минуту ни въ одной хижинѣ не было живого человѣка: женщины и дѣти ушли въ лѣсъ за грибами, мужчины искали дровъ для клепокъ. Двери во всѣхъ хатахъ были настежъ открыты, по туземному обычаю, и ни одинъ прохожій никогда не полакомился чужимъ добромъ. Въ каждой избѣ на столѣ лежалъ ножъ, хлѣбъ, а въ кувшинѣ стояла вода. Все было открыто: саран, амбарчики и погреба.

Одинъ изъ парней вошелъ въ первую избу, напился воды и сейчасъ же вернулся. Отсюда наши путешественники повернули влѣво и лѣсомъ подвигались дальше; тропинки, не только что дороги, не было здѣсь и слѣда, а старый Вишъ и его спутники ни разу не сбились съ дороги, которая скорѣе всѣхъ вела къ желанной цѣли. Охотнику извѣстны всѣ урочища, опрокинутое вѣтромъ дерево, долина въ лѣсу или ручей.

До самой ночи Вишъ и его слуги подвигались все впередъ; звѣзды давно ужъ блестѣли на небѣ, когда они остановились, чтобъ выбрать мѣсто поудобнѣе для ночлега. Парни въ одну секунду построили шалашъ для старика; одинъ остался сторожить лошадей, другой легъ у входа въ шалашъ.

Ночь прошла спокойно. Старикъ проснулся раньше всѣхъ и чуть свѣтъ они уже отправились въ путь. Вишъ указывалъ по какому направленію слѣдуетъ ѣхать: онъ зналъ каждое дерево своихъ и сосѣднихъ съ нимъ лѣсовъ. Задумываться о выборѣ пути старикъ не имѣлъ обыкновенія, въ немъ еще не исчезъ инстинктъ охотничьихъ племенъ; Вишъ даже въ чужомъ лѣсу съумѣлъ бы найти дорогу, онъ жилъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ.

По временамъ старикъ полною грудью вдыхалъ воздухъ, опредѣляя по немъ близость дубравы, луга или полей. Тотъ или другой видъ травы, такъ или иначе наклоняющіяся вѣтви, мохъ, покрывающій стволы деревьевъ, колючіе кусты и лужайки служили ему примѣтой. Полетъ птицъ, направленіе, по которому бѣжалъ испуганный звѣрь—и это принималось во вниманіе старикомъ, который по этимъ даннымъ всегда удачно опредѣлялъ направленіе, которому надлежало держаться.

Около полудня всадники выѣхали изъ лѣсу и очутились на широкомъ лугу, по самой срединѣ котораго журчащій ручей прокладывалъ себѣ узорчатую дорогу. Вдали, на возвышенномъ берегу этого ручья, виднѣлся домъ, окруженный заборомъ, а надъ нимъ высоко подымался столбъ дыма.

Вишъ, увидя жилище, вынулъ рогъ и три раза протрубилъ въ него. Между тѣмъ всадники все приближались къ селу, около котораго на поляхъ работали мужчины и женщины. Одинъ парень подбѣжалъ къ лошади, стоявшей на лугу, вскочилъ на нее и, погоняя ее руками, поскакалъ по направленію къ старику и его слугамъ; но увидя, что въ гости къ нимъ ѣдетъ Вишъ, повернулъ назадъ и поскакалъ къ своимъ.

Видно сюда рѣдко заѣзжали гости, потому что работники съ любопытствомъ тѣснились у воротъ, а изъ-за забора виднѣлись бѣлые платки женщинъ. Вишъ еще не доѣхалъ до воротъ, когда въ нихъ показался мужчина высокаго роста въ бѣлой домашней одеждѣ, съ накинутою на плечи сермягою. Густые бѣлокурые волосы длинными прядями спускались ему на плечи, борода едва начинала покрываться рѣдкими волосами, а румяное лицо его осынялось привѣтливою, веселою улыбкою. Издали увидѣвъ Виша молодой мужчина, желая выказать радость рѣдему и уважаемому гостю, рукою посылалъ ему привѣтствія. Старикъ тѣмъ же отвѣтилъ хозяину. Не доѣзжая до воротъ Вишъ остановилъ лошадь и соскочилъ на землю.

— Въ добрый часъ, господинъ мой милый! воскликнулъ молодой хозяинъ. — Такого гостя, какъ старый Вишъ, моя убогая хижина никогда не надѣялась видѣть.

Говоря это онъ съ почтеніемъ приблизился къ Вишу, точно къ родному отцу, взялъ его за руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Я радъ тебѣ какъ солнцу! говорилъ онъ весело, — но мнѣ и досадно: чѣмъ трясти старыя кости, отецъ мой, приказалъ бы ты молодому Доману явиться къ тебѣ и онъ тотчасъ же исполнилъ бы твое приказаніе.

— И у старика является желаніе погулять по бѣлу свѣту, да посмотреть все ли на немъ въ порядкѣ, не измѣнилось ли что нибудь, отвѣчалъ старикъ.

Они обнялись и Доманъ повелъ Виша въ свѣтлицу. Жилъ Домана тоже стояло по срединѣ большого двора, со всѣхъ сторонъ окруженнаго сараями и избами. Видно было, что молодой человекъ хорошій хозяинъ: все было выбѣлено, выкрашено, а на крыльцѣ деревянныя украшенія, о которыхъ старикъ Вишъ и не подумалъ бы. Надъ окошками и на крыльцѣ во многихъ мѣстахъ висѣли пучки душистыхъ травъ, чайбура и душицы. Женщинъ совсѣмъ не было видно, онѣ всѣ разбѣжались по избамъ, когда увидѣли чужого. Свѣтлица, въ которую вошелъ Вишъ въ сопровожденіи хозяина, была чисто выметена, но въ ней замѣчалось отсутствіе женщины, потому что въ очагѣ огня не было... Въ углу стояло покрытое кожей деревянное ложе, по стѣнамъ красовались луки, стрѣлы, мечи, пращи, рога звѣрей и недавно снятыя съ нихъ кожи. На столѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ, которымъ хозяинъ угостилъ Виша, а затѣмъ предложилъ ему сѣсть на скамью;

самъ же продолжалъ стоять передъ старикомъ. Вишъ долго уговаривалъ Домана съѣсть возлѣ него и почти насильно заставилъ его занять мѣсто на скамьѣ рядомъ съ собою. По глазамъ Домана было замѣтно, что онъ съ нетерпѣніемъ желаетъ узнать причину посѣщенія старика, но не рѣшался спрашивать его. Вишъ тоже не торопился съ объясненіями; онъ началъ говорить о хозяйствѣ, объ охотѣ. Наконецъ принесли медъ; хозяинъ предложилъ гостю чарку.

Они одни остались въ избѣ.

— Ты угадалъ, началъ старикъ, — что я не безъ цѣли пріѣхалъ къ тебѣ; прямо скажу, недобрую вѣсть я привезъ. Теперь намъ скверно живется, но еще худшая жизнь ждетъ насъ въ будущемъ, и недалекомъ будущемъ.

— Будемъ же такъ дѣлать, чтобы стало лучше, отвѣчалъ Доманъ.

— Не долго ждать придется, какъ и міръ, и вѣче, и мы, кметы, исчезнемъ съ лица земли, сказалъ Вишъ: — всѣхъ насъ спутаютъ по рукамъ и по ногамъ. Люди обыкновенно говорятъ, что въ старыхъ головахъ ни съ того ни съ сего зарождается недовѣріе, какъ въ старой бочкѣ кислота; но суди самъ, имѣетъ ли основаніе мое горе или нѣтъ. Князь и всѣ Лешки не считаютъ насъ болѣе свободными людьми. Кметовъ и жупановъ, родившихся свободными на нашей землѣ, хотятъ подвергнуть тяжелой неволѣ. Они хотятъ всѣхъ насъ сдѣлать своими рабами. Они угрожаютъ намъ, прижимаютъ насъ все болѣе и болѣе; насъ хотятъ выжить точно пчелъ, отъ которыхъ избавляются, когда хотятъ очистить улей. Хвостекъ на озерѣ, на Гоплѣ, черезчуръ уже проказничаетъ. Вотъ третьяго дня онъ позвалъ кметовъ къ себѣ въ гости. Дали имъ какой-то отравы въ напитокѣ... нѣмка готовить его на нашу гибель. Среди пира начали они ругать, бить да грызть другъ друга; кончилось тѣмъ, что они перебили одинъ другого. Тѣла ихъ Хвостекъ велѣлъ бросить въ озеро точно падалъ. У Самона дѣвку-красавицу взяли силою, а княгиня назначила ее князю въ наложницы. По нашимъ селамъ разъѣзжаютъ Смерда и слуги князя, берутъ у насъ людей, женщинамъ отъ нихъ покоя нѣтъ. Никто не знаетъ господинъ ли онъ у себя или нѣтъ, не сегодня-завтра могутъ отнять и хату, и землю, и дѣтей... Да. Что же, должны мы все это переносить, молчать и по бабѣму только руки ломать, да слезы проливать? Говори, Доманъ.

Лицо Домана горѣло гнѣвомъ, щеки его пылали, губы тряслись какъ въ лихорадкѣ; онъ старался сдерживать свой гнѣвъ; но когда Вишъ кончилъ, Доманъ не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Эй! Эй! давно ужъ слѣдовало намъ уничтожить это гнѣздо ось и сравнять его съ землею.

— Слово сказать легко, Доманъ, замѣтилъ старикъ, — но отъ слова до дѣла еще далеко. Крѣпко держится проклятое гнѣздо, крѣпко прилипло оно къ столбу.

— А столбъ не духи строили, но люди, человѣческія руки могутъ его также и уничтожить, сказалъ Доманъ.

— Такъ нельзя разсуждать, проговорилъ Вишъ послѣ нѣкотораго молчанія;—откуда столбъ взялся, объ этомъ никто не знаетъ. Онъ стоялъ уже на мѣстѣ, когда жили наши праотцы. Одно вѣрно: тѣ, кто его строилъ, были не наши; тотъ народъ давно исчезъ съ лица земли.

Доманъ, не находя отвѣта на это замѣчаніе, промолчалъ.

— Да, впрочемъ, продолжалъ Вишъ,—намъ разсуждать объ этомъ нечего; это дѣло міра, онъ найдетъ средство спасти своихъ дѣтей.

Старикъ многозначительно посмотрѣлъ въ глаза молодому человѣку. Доманъ только и ждалъ этого нѣмого предложенія.

— Нужно разослать приглашеніе всѣмъ кметамъ и жупанамъ и созвать общее вѣче старшинъ. Пусть соберутся всѣ наши селяне и поляне; мы начнемъ, а за нами и другіе...

— Твое слово лучше приказанія, отвѣчалъ Доманъ;—хорошо созвать вѣче; но позволь прежде и мнѣ сказать свое слово. Кого звать и куда? Тебѣ хорошо извѣстно, что у Хвостка есть свои и среди нашихъ кметовъ; Лешки размножились; ихъ много, очень много; нужно, значитъ, сперва осторожно разузнать кое о чемъ, да прислушаться ко всему хорошенько и разсчитать свои силы раньше, чѣмъ начнемъ дѣло, а то могутъ насъ задавить. Пока насъ горсть, не больше.

— Я также думаю, согласился Вишъ.—Знаю я хорошо, что у Хвостка нѣтъ недостатка въ друзьяхъ и что многіе изъ нашихъ считаются въ числѣ его пріятелей, но я тоже и то знаю, Доманъ, что не весь Лешій родъ будетъ стоять за него. Родныхъ своихъ дядей князь притѣсняетъ, обратилъ ихъ въ кметовъ; племянникамъ своимъ однимъ выкололъ глаза, а другіе изъ боязни не оставляютъ своего городища ни на минуту. Они станутъ на нашу сторону.

— На вѣчѣ все это объяснится, увидимъ что и какъ дѣлать, отвѣчалъ Доманъ;—не теряя времени нужно созвать вѣче.

— Сперва слѣдовало бы побывать у того и другого, чтобы разузнать хорошенько, какъ наши кметы смотрятъ на это дѣло, прервалъ старикъ, — поѣдемъ вдвоемъ, Доманъ, посмотримъ, поговоримъ и съ кметами и съ Лешками.

— Поѣдемъ, согласился Доманъ.—Я готовъ ѣхать съ тобою, отецъ Вишъ. Отдохни у меня, а потомъ отправимся вмѣстѣ въ путь.

— А какъ думаешь? Къ кому ѣхать? спросилъ Вишъ.

— Сперва къ мудрому Пясту; онъ можетъ дать хорошій совѣтъ, подумавъ немного отвѣтилъ Доманъ; — онъ бѣдный кметъ, но умный... молчитъ, но больше знаетъ, чѣмъ тѣ, которые много болтаютъ.

Вишъ согласился на это предложеніе.

— А потомъ? спросилъ онъ.

— А изъ Лешковъ... развѣ къ Милошу, отвѣчалъ Доманъ.

— Его сыну князь выкололъ глаза, замѣтилъ Вишъ.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣтовались, къ кому заѣзжать, кто достоинъ того, чтобы его посвятить въ тайну.

— Кромѣ насъ двоихъ никто объ этомъ знать не долженъ, сказалъ Вишъ.—Пусть думаютъ, что мы ѣдемъ охотиться.

— Да, поѣдемъ на охоту, повторилъ Доманъ. — Твои парни останутся у меня, а мы поѣдемъ только вдвоемъ. Это будетъ лучше.

— Да, такъ будетъ лучше, согласился Вишъ.

— А гдѣ же вѣче созвать; данно ужъ не слыхали мы объ немъ, сказалъ Доманъ.

— Гдѣ же, если не тамъ, гдѣ оно собиралось съ незапамятныхъ временъ; новаго мѣста не зачѣмъ искать, да и не найдти. Змѣиное урочище, гдѣ священный дубъ и источникъ на старомъ городищѣ, гдѣ вѣчевали наши дѣды и прадѣды. Тамъ и мы должны собраться, тамъ только держать совѣтъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Урочище лежитъ въ глубинѣ лѣса, продолжалъ Вишъ,—оно безопасно,—со всѣхъ сторонъ окружено болотами. Тамъ лучше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если бы старшины собрались у твоего или моего дома, князь сталъ бы мстить намъ и поджегъ бы наши дома, а тамъ—кто знаетъ, чья была затѣя о вѣчѣ.

— Знать не будетъ?! повторилъ Доманъ съ горечью; — у него вездѣ свои; скажутъ ему, едва успѣемъ начать дѣло; но не слѣдуетъ его бояться и сидѣть сложа руки въ избахъ. Не первый разъ съѣдутся кметы на вѣче, отчего же намъ теперь, какъ и въ старину, не держать общій совѣтъ? Скорѣе надо приниматься за дѣло; нужно разослать гонцовъ.

— Да, сказалъ Вишъ, — пошлемъ по два человѣка къ каждому старшинѣ, пригласить его пріѣхать на съѣздъ. Но надо заранѣе рѣшить, кого звать и кто будетъ съ нами. Слѣдовало бы съ каждого взять клятву на огонь и воду.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣщались какъ быть и что дѣлать? Наконецъ они рѣшили, что вѣче должно состояться и что на вѣдь ли среди кметовъ и жупановъ найдется хотя одинъ, который не раздѣлялъ бы ихъ мнѣнiя. Они задумались только надъ способомъ, какъ бы потише созвать всѣхъ. На Купалу обыкновенно собирались люди около урочищъ, они и рѣшили назначить вѣче за день передъ этимъ праздникомъ. Времени оставалось довольно, чтобы созвать всѣхъ; но и не такъ было его много, чтобы возможно было откладывать.

Долго еще разговаривали друзья кметы; уже день приходилъ къ концу, а они все еще вполголоса совѣщались о предстоящемъ вѣчевомъ собранiи. Медъ стоялъ въ чаркахъ на столѣ передъ ними, а они еще не дотронулись даже до него. На лицахъ ихъ было грустное выраженiе, даже веселый Доманъ имѣлъ унылый видъ. Нестало у нихъ подъ конецъ ни совѣта, ни словъ, они подали руки другъ другу и хозяинъ пригласилъ старика подъ липу, которая росла на пригоркѣ за селомъ. Едва успѣлись они на скамьѣ подъ липою, какъ цѣлая свора собакъ побѣжала за своимъ господиномъ; у Домана было десятка два собакъ, такъ какъ онъ былъ завзятый охотникъ. Молодые парни со-

брались на дворѣ; казалось, они чего-то ожидали, какъ будто приказанія своего господина. Доманъ бросилъ взглядъ въ сторону своего дома и сказалъ Вишу:

— Хотѣлось бы мнѣ угостить тебя какъ слѣдуетъ, да чѣмъ нибудь развеселить. Я знаю, что старику не нравятся молодые пѣсни, но все-таки мнѣ хочется показать тебѣ, что мы здѣсь не ходимъ заспанными и не грѣмся вѣчно у очага. Эй! Сциборъ, крикнулъ онъ громко, — пойди сюда!

Красивый парень, глаза котораго блестѣли отъ избытка жизни, побѣждалъ къ Доману.

— Удобнѣе времени для травли нашего волка не найдти, сказалъ Доманъ. — А передъ кѣмъ же похвастаться если не передъ старикомъ Вишемъ? Выпусти-ка его на волю, говорилъ онъ слугѣ, — покажемъ, что дикій звѣрь намъ не страшенъ.

Сциборъ побѣждалъ къ воротамъ и тотчасъ же за заборомъ раздались веселые крики. Собакъ, кромѣ избранныхъ, загнали въ сарай и заперли. Вишъ и Доманъ встали со скамьи и подошли къ воротамъ, у которыхъ толпилась челядь въ ожиданіи любопытнаго зрѣлища. Хозяинъ велѣлъ каждому изъ нихъ взять мечъ и разставилъ ихъ вокругъ большой поляны, а самъ взялъ въ руки длинное копье съ желѣзнымъ остриемъ и занялъ мѣсто нѣсколько дальше всѣхъ. Собаки нетерпѣливо рвались впередъ, предчувствуя, что не даромъ держатъ ихъ на привязи.

Доманъ далъ знакъ рукою и ворота отворили настежь. Волкъ, просидѣвшій нѣсколько дней въ заперти, испуганный и ослѣпленный дневнымъ свѣтомъ, не сумѣлъ воспользоваться дарованною ему свободою... Парни подняли крикъ, начали бить палками въ стѣны сарая, а волкъ не трогался съ мѣста, ежился и щелкалъ зубами. Почти насильно помощію палокъ удалось имъ выгнать его за ворота. Здѣсь онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность, бросился бѣжать, но сейчасъ же остановился. Охотники держали оружіе на готовѣ, собаки подняли ужасный вой, волкъ тронулся съ мѣста, сперва онъ шелъ тихо, подкрадываясь, затѣмъ началъ бѣжать все скорѣе и все отыскивалъ глазами дорогу, по которой было бы удобнѣе улизнуть въ лѣсъ. Но не легко ему было уйти: со всѣхъ сторонъ забѣгали ему дорогу вооруженные охотники. Доманъ первый бросился на волка; онъ нарочно стремглавъ кинулся на звѣря, чтобы послѣдній не могъ его обойти. Собаки, пущенныя на волю, бросились на врага. Охота началась.

То одинъ, то другой парень наносилъ волку удары копьемъ, кто-то бросилъ въ него острымъ кускомъ желѣза и ранилъ въ спину окруженного собаками звѣря. Собаки удерживали его за ноги, тормозили несчастнаго волка. Пользуясь этимъ Доманъ съ большою ловкостью вонзилъ волку въ открытую пасть свое копье, нанося ему послѣдній, смертельный ударъ.

Во время этой охоты веселые крики и смѣхъ не умолкали ни на минуту. Женщины сидѣли на заборахъ, дѣти кричали и стучали палками, даже старый Вишъ не разъ хватался за мечъ, не будучи въ состояніи оставаться только зрителемъ забавы, напомнившей старику давно миувшіе моло-

дые годы его жизни. Когда звѣрь, заливаясь кровью, упалъ на землю и собаки бросились на него со всѣхъ сторонъ, въ воздухѣ раздались громкіе радостные крики. Несчастнаго волка со всѣхъ сторонъ окружили охотники, женщины и дѣти, тормозили его, разсматривали и удивлялись ловкости Домана.

Нѣсколько дней тому назадъ волка поймалъ въ лѣсу одинъ изъ работниковъ Домана, оглушивъ сильнымъ ударомъ палки въ голову. Связавъ его, онъ притащилъ звѣря во дворъ. Къ своему несчастью, волкъ выздоровѣлъ, чтобы ради забавы погибнуть отъ руки Домана.

Налюбовавшись волкомъ до сыта, Доманъ велѣлъ убрать его. Затѣмъ началась стрѣльба изъ луковъ и пращей. Доманъ и здѣсь оказался ловче всѣхъ, хотя и другіе дѣлали все возможное, чтобы не отставать отъ своего хозяина. Старый Вишъ смотрѣлъ только и любовался на молодежь, а старыя его руки дрожали, вспоминая тѣ времена, когда и онѣ умѣли стрѣлять не хуже Домана. Но то время давно ужъ прошло.

Когда наступилъ вечеръ и въ избахъ зажгли лучины, старикъ и хозяинъ долго еще совѣщались, разговаривая вполголоса о предстоящихъ важныхъ дѣлахъ. Наконецъ, Доманъ уступилъ свое ложе Вишу, а себѣ приказалъ сдѣлать постель въ этой же комнатѣ и пригласилъ гостя отдохнуть.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ Вишъ и Доманъ были ужъ на ногахъ. Лошади дожидали ихъ у крыльца. Какъ было рѣшено, Вишъ и Доманъ отправились въ путь, немедленно, одни.

До села Лешка Милоша можно было пріѣхать не раньше вечера. У Виша и Домана было достаточно съѣстныхъ запасовъ въ сумахъ; въ деревянныхъ, облитыхъ смолою, бутылкахъ, привязанныхъ къ кушакамъ, каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ чарки меду; а лошади, привыкшія къ болотамъ и лѣснымъ дорогамъ, не боялись утомительнаго путешествія. Доманъ ѣхалъ впереди.

Не желая терять времени понапрасну всадники рѣшили отправиться кратчайшимъ путемъ — черезъ болота и непроходимые лѣса. Не разъ пришлось имъ обѣзжать массы сваленныхъ вѣтромъ въ одну кучу гигантскихъ деревьевъ, не разъ нельзя было проѣхать чрезъ слишкомъ вязкое, густою травой заросшее болото; все это затрудняло путешественниковъ. Внутренность лѣса, наполненная таинственнымъ мракомъ, едва пропускающимъ нѣсколько лучей солнца, навѣвала невеселыя думы. Вишъ и Доманъ только тогда свободнѣе вздохнули, когда очутились на сухомъ лугу, оставивъ лѣсъ за собою. Здѣсь они остановились; нужно было привести въ порядокъ одежду, обвѣшанную листьями, сухими вѣтвями, гусеницами и мохомъ, которыми лѣсная глушь наградила всадниковъ за то, что они посмѣли вторгнуться въ ея внутренность.

На краю горизонта Вишъ замѣтилъ столбъ дыма; всадники прибавили шагъ; на холмистомъ возвышеніи вдали видѣлся высокій земляной валъ, покрытый зеленымъ дерномъ, а за нимъ густая роща. Изъ самой середины этой небольшой рощи струился синеватый дымъ, поднимаясь длиною лен-

— Князь Милашъ, сказалъ Вишъ, — да будетъ благословенъ ты и твой домъ.

тою къ небесамъ—самый вѣрный знакъ присутствія человѣческаго жилища. Земляной валъ былъ такъ высоко насыпанъ, что изъ-за него не видно было даже крыши хижинъ.

Когда Вишъ и Доманъ подъѣхали къ этой насыпи, они замѣтили въ ней узенькій проходъ, закрытый высокимъ частоколомъ. Кромѣ столба сиватаго дыма нигдѣ не было замѣтно даже малѣйшаго признака жизни. Ворота были заперты. Они подъѣхали къ нимъ, но никто не вышелъ имъ на встрѣчу, хотя на насыпи появилось нѣсколько любопытныхъ головъ. Вишъ затрубилъ.

Они долго еще стояли у воротъ, но никто не являлся. Наконецъ надъ воротами показалась человѣческая голова, покрытая волчьей кожей.

Старый Вишъ просилъ впустить ихъ, его и Домана, въ городище, но слуга, показавшій свою голову надъ воротами, отвѣчалъ угрюмо, что князь Милошъ никого къ себѣ не допускаетъ. Волей-неволей пришлось Вишу спорить, сердиться; нѣсколько разъ шли переговоры съ княземъ, пока Милошъ согласился пустить гостей къ себѣ въ домъ. Отворили ворота; всадники прошли по длинному и темному проходу, вырытому въ насыпи, опоясывающей городище, и вошли во дворъ, заросшій высокимъ деревьями. Дубы и липы, громадныя стволы и широко разстилающіеся вѣтви которыхъ закрывали почти весь дворъ, образуя надъ нимъ зеленую крышу, были свидѣтельницами не только молодыхъ лѣтъ хозяина, но и его праотцевъ. Въ глубинѣ двора, въ тѣни деревьевъ, стояло небольшое строеніе, окруженное длиннымъ навѣсомъ и покрытое деревянною крышею.

По двору, въ разныхъ направленіяхъ, ходили какіе-то угрюмые, молчаливые люди, съ ногъ до головы покрытые кожей. Большія собаки подошли къ Вишу и Доману, заворчали, обнюхали ихъ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, остановились, готовясь по первому приказанію хозяина броситься на пріѣзжихъ. Много еще прошло времени, пока изъ избы вышелъ сгорбленный, едва передвигающій ноги старикъ, небольшого роста, съ длинною палкою въ рукахъ; голова его была покрыта кожей. Съ нимъ трудно было говорить: онъ говорилъ едва слышимъ голосомъ, и, повидимому, не понималъ пріѣзжихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ, однакожь, согласился впустить ихъ въ избу. Вечерній мракъ и тѣнь деревьевъ, листья которыхъ закрывали окна, не позволяли Вишу и Доману разсмотрѣть, что-нибудь въ свѣтлицѣ. Они долго стояли, пока глаза ихъ успѣли свыкнуться съ мракомъ. На очагѣ догасали обугленные дрова.

Въ глубинѣ избы лежалъ старикъ высокаго роста, съ длинною бѣлою бородою, волоса которой не вьющіеся, прямые какъ трава, доходили ему до колѣнъ. Лежалъ онъ на постели, покрытой кожей. Густыя, нависшія брови почти совсѣмъ закрывали глаза старика, который подпиралъ свою лысую голову на костлявой рукѣ. Ноги его покоились на чемъ-то черномъ, что едва замѣтно двигалось, какъ бы изъ лѣности. Вишъ, всматриваясь въ старика и его ложе, увидѣлъ наконецъ, что двигающаяся черная масса есть ручной

медвѣдь, который лежалъ у ногъ своего господина. Двѣ сороки прохаживались по полу.

Когда пріѣзжіе вошли въ свѣтлицу, князь Милошъ даже не тронулся съ мѣста; онъ посмотрѣлъ только на нихъ и, казалось, ожидалъ съ ихъ стороны перваго слова. Сороки между тѣмъ спритались въ углу, а медвѣдь, зѣвая, посмотрѣлъ на пріѣзжихъ и снова положилъ голову на прежнее мѣсто, болѣе не обращая вниманія на вошедшихъ гостей.

Въ свѣтлицѣ была жара невыносимая, а старый князь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Князь Милошъ, сказалъ Вишъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — да будешь благословенъ ты, и твой домъ.

— Кто ты такой? спросилъ князь грубымъ, охрипшимъ, точно изъ колодца выходящимъ, голосомъ.

— Кметъ Вишъ и сосѣдъ мой Доманъ.

Князь долго молчалъ.

— Позволяешь, князь, говорить съ тобою, началъ снова Вишъ.

— Говорить со мною? повторилъ тотъ же грубый голосъ. — У меня съ людьми ничего нѣтъ общаго: мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ и имъ тоже до меня! Чего же вы хотите?

— Добраго совѣта, отвѣчалъ Вишъ.

— Я для себя не сумѣлъ найдти добраго совѣта, для другихъ и по-давно не найду. Идите къ комунибудь другому за этимъ.

— У насъ и съ нами творятся нехорошія дѣла, говорилъ Вишъ, не обращая вниманія на отказъ князя Милоша, — вашъ и нашъ общій врагъ мучитъ насъ и угнетаетъ все хуже и хуже.

— Кто?

— Хвостекъ, отвѣчалъ Вишъ, нарочно употребляя это насмѣшливое имя.

Милошъ захохоталъ дикимъ голосомъ.

— Мнѣ-то онъ ужъ больше ничего дурного не сдѣлаетъ; онъ лишилъ меня дѣтей, а теперь пусть и жизнь мою беретъ, если хочетъ; я не дорожу ею. Идите куда хотите за добрымъ совѣтомъ и помощію; у меня ихъ нѣтъ ни для кого!

— И мстить ты не хочешь? спросилъ Вишъ. — За дѣтей своихъ ты долженъ отомстить ему. Одинъ убить, другому выкололи глаза; не оставилъ онъ тебѣ на старости лѣтъ никакого утѣшенія и это должно остаться безъ наказаннымъ?

Князь долго молчалъ, какъ бы взвѣсивая слова Виша; вдругъ онъ вскочилъ, пылая гнѣвомъ.

— Вонъ, или я натравлю на васъ Маруху! вскричалъ онъ. — Хвостъ подослалъ васъ ко мнѣ, чтобы тянуть меня за языкъ... собачьи сыны... Вонъ!...

— Князь Милошъ, твердымъ голосомъ сказалъ Доманъ, — я сынъ того, который спасъ твою жизнь; а Вишъ никогда никакого не обманулъ. Мы свободные кметы, князь, но не рабы Хвостка.

На постели Милоша что-то такъ странно заворчало, что трудно было сказать медвѣдь ли это или его господинъ отозвался; затѣмъ раздалось громкое сопѣніе и стоны.

— Идите за совѣтомъ къ тѣмъ, у кого есть еще умъ. У меня его теперь нѣтъ. Во мнѣ все высохло отъ боли, я потерялъ силы безвозвратно; память куда-то ушла отъ меня, даже и отомстить за все это нѣтъ никакой охоты. Идите отомстите и за меня, а когда вырвете у него сердце, принесите мнѣ этотъ безжалостный кусокъ мяса, я его сожру и умру... Мнѣ ужъ давно пора умереть, я призываю смерть, я умоляю ее. Больше мнѣ ничего не надо!.. Ничего больше... Дѣти мои! Мои цвѣты, сыновья мои. Что я безъ васъ сталъ? На что же мнѣ жизнь, если васъ нѣтъ около меня?

Старикъ закрылъ лицо руками и умолялъ. Смотря на его мученія, Вишъ страдалъ страданіями несчастнаго старца. Князь стоналъ, не отнимая рукъ отъ лица. Не скоро поднялъ онъ голову и началъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Бѣдные вы люди, но чѣмъ же я вамъ могу помочь? Чего вы у меня ищете? У меня теперь нѣтъ ничего, ничего! Пусть весь міръ сгоритъ, пусть море его зальетъ, пусть люди на немъ исчезнутъ—мнѣ не будетъ ни лучше, ни хуже. Цвѣты мои, дѣти мои, мои сыны!

И снова страдалецъ опустилъ голову на обѣ руки и залился горькими слезами. Вишъ и Доманъ не знали, что имъ дѣлать, ждать ли еще или уйдти прочь, чтобы напрасно не мучить старика. Между тѣмъ Милошъ привсталъ немного и сѣлъ на постели; онъ началъ тереть руками лицо и лобъ. Затѣмъ онъ ударилъ въ ладоши. Изъ боковой избы вошла женщина такого же высокаго роста, какъ и Милошъ; голова ея такъ была окутана платками, что изъ-за нихъ едва видѣлось ея пожелтѣвшее и покрытое морщинами лицо. Сермяга темнаго цвѣта покрывала ея бѣлую женскую одежду. Она остановилась у порога въ нерѣшительности, идти ли дальше или вернуться: чужіе пугали старуху. Милошъ протянулъ къ ней дрожащія руки, она подошла ближе и подала ему кувшинъ съ какимъ-то напиткомъ. Старикъ пилъ съ жадностью. Напившись онъ далъ знакъ рукою женщинѣ, чтобы она вышла изъ избы, и обратился къ стоявшимъ у входныхъ дверей Вишу и Доману:

— Скажите, что вы намѣрены дѣлать? Соберете кметовъ на вѣче, а потомъ поругаетесь и перессоритесь между собою? Пока вы будете совѣщаться, да раздѣлывать, онъ васъ по одиночкѣ выудитъ? Пригласитъ къ себѣ, задастъ вамъ пирь, а потомъ одного на другого натравитъ. А вы-то что же думаете ему сдѣлать? Онъ вашихъ совѣщаній и вашего вѣча не боятся!

Старикъ смѣялся сквозь слезы.

— Половина вашихъ будетъ стоять за него горою; другая половина, можетъ быть, возстанетъ противъ него! Онъ раздаритъ ваши земли тѣмъ, которые будутъ ему помогать васъ душить! Вы ему ничего не сдѣлаете! А если у него не хватитъ людей, придутъ нѣмцы и опустошатъ нашу землю и массу нашихъ захватятъ въ неволю.

Старикъ снова легъ на постели.

— Князь, проговорилъ Вишъ,—наше дѣло не легкое, это мы знаемъ, но мы должны избавиться отъ Хвоста! Многіе изъ нашихъ погибнутъ, многіе намъ измѣнятъ, но все же побѣда останется за нами и Хвосту не сдобровать. Мы пришли спросить у тебя, князь, дашь ли ты намъ своихъ людей, если мы рѣшимъ, всѣмъ міромъ, походъ на Хвоста, на его Столбъ? Будешь ты съ нами или нѣтъ?

Старикъ долго молчалъ, не отвѣчая на предложенный ему вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ наконецъ, — а бы вырвалъ у него сердце, если бы я это могъ самъ сдѣлать; если вы это сдѣлаете я буду радоваться, но съ вами не пойду противъ него. Это дѣло кметовъ, а я князь! я Лехъ!! Не забывайте, что если бы вы его и побѣдили, у него останутся двое дѣтей, два сына за Лабою. Этимъ ничего не станется, они вернутся съ нѣмцами и отомстятъ вамъ. Напрасны ваши стоны, даромъ пропадутъ ваши заботы! Не онъ, такъ дѣти его поработятъ васъ; не онъ, такъ я бы научилъ васъ, что такое кметь, а что князь! Я былъ бы не лучше его! ворчалъ старикъ едва внятнымъ голосомъ.

Вишъ посмотрѣлъ на Домана.

— Больше намъ не о чемъ говорить съ тобою, сказалъ Вишъ;—но ты завтра же можешь послать къ Хвосту сказать ему обо всемъ, о чемъ говорили съ тобою сегодня?

Князь улыбнулся, а медвѣдь заворчалъ.

— Между мною и Хвостомъ нѣтъ ни разговора, ни уговора; онъ мой врагъ, а я его врагъ, сказалъ гордо Милошъ. Не я, другіе скажутъ ему объ этомъ, онъ васъ всѣхъ повѣситъ на дубахъ! Да пусть васъ вѣшаетъ! Нѣтъ ужъ болѣе у меня дѣтей... нѣтъ моихъ сыновей!.. Цвѣтовъ моихъ не стало!.. Пусть весь міръ пропадаетъ!!

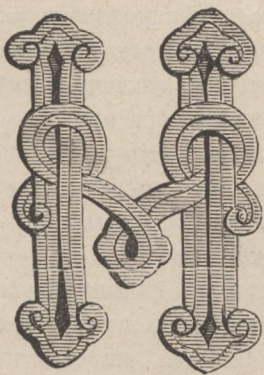
Милошъ застоналъ и легъ ничкомъ, уткнувъ свою голову въ звѣриную шкуру. Вишъ, а за нимъ Доманъ вышли изъ свѣтлицы. Въ избѣ раздавались теперь крики двухъ сорокъ, которыя вышли на середину свѣтлицы и затѣяли ссору.

На крыльцѣ гостей поджидалъ сгорбленный старикъ, который вмѣстѣ съ ними вышелъ во дворъ подъ старые дубы.

— Вашъ князь всегда такой какъ теперь? спросилъ Вишъ у старика.

— Всегда, когда увидитъ чужихъ! шепнулъ старикъ на ухо Вишу;—иногда случается, что духи мучаютъ его по цѣлымъ ночамъ, тогда онъ вскакиваетъ съ постели, кричитъ и плачетъ такъ громко, что всѣ просыпаются отъ его крика. Бѣдный онъ, несчастный человѣкъ!..

Вишъ и Доманъ намѣревались, не смотря на поздній часъ, сейчасъ же оставить печальное городище Милоша, но и здѣсь соблюдался святой обычай гостепріимства. Старикъ пригласилъ гостей въ отдѣльную избу, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ ужинъ и постель. Старикъ вошелъ съ ними въ избу, но не было никакой возможности вывѣдать отъ него что нибудь. Все въ этомъ мрачномъ и полномъ печали городищѣ было молчаливо и безжизненно; казалось все только и дожидалось смерти и конца.

ГЛАВА VIII.

едалеко отъ озера Гопла, у самой опушки лѣсовъ, стоялъ домъ и село Пястуна, котораго для краткости звали Пястомъ. Къ нему-то стремились старикъ Вишъ и молодой Доманъ, раннимъ утромъ оставивъ городище Милоша. Вишъ второй день къ ряду ѣхалъ верхомъ, но чувствовалъ себя лучше чѣмъ дома, гдѣ у него была только одна работа: смотрѣть за хозяйствомъ, сидя на большомъ камнѣ у рѣки.

Изъ всѣхъ окрестныхъ кметовъ, Пястунъ былъ наименѣе зажиточнымъ хозяиномъ, а между тѣмъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Родъ его жилъ на этомъ мѣстѣ уже съ давнихъ поръ, дѣдъ его и прадѣдъ хозяйничали когда-то въ окрестныхъ лѣсахъ, занимаясь главнымъ образомъ пчеловодствомъ и охотою. Полей у нихъ совсѣмъ почти не было; если они и засѣвали хлѣбъ, то развѣ только для того, чтобы имѣть запасъ на случай голода. Они привыкли не обращать вниманія на свои богатства; потому-то, можетъ быть, онѣ не умножались въ ихъ рукахъ. Бѣдную, настѣжь для всѣхъ всегда открытую хату Пястуна знали всѣ; въ нее заходилъ каждый прохожій, бралъ, что ему нужно было и шелъ дальше.

Хижина гостепріимнаго Пястуна, выстроенная изъ цѣльныхъ срубовъ, даже отчасти покрытыхъ корою, была чрезвычайно старая и низкая. Крыша и стѣны ея были покрыты толстымъ слоемъ сажы, крыльцо узенькое, украшенное простыми столбиками, поддерживающими его небольшую крышу. Пястунъ, его жена Жепица и сыны ихъ составляли всю семью. Челяди было у нихъ много; но каждый челядинецъ скорѣе казался членомъ семьи Пястуна, чѣмъ слугою, потому что съ нимъ хозяева обращались какъ съ роднымъ. Новые обычаи, которые по немногу начали проникать къ славянамъ отъ нѣмцевъ, не успѣли еще проникнуть въ хижину Пяста. Можетъ быть, отъ того именно къ Пястуну всегда обращались за совѣтами, что подъ убогой своей кровлею онъ свято хранилъ древнія преданія и обычаи. Гусляры и пѣвцы часто заходили къ нему, а если который нибудь изъ нихъ приходилъ погостить у своего друга Пястуна, то по вечерамъ долженъ былъ мно-

го пѣть собравшимся вокругъ него слугамъ Пястуна и его семьѣ. Зимой сидѣлись у огня въ избѣ, лѣтомъ—на дворѣ подъ старыми липами. Старцы гуслеры пѣли, а молодежь изъ этихъ пѣсней узнавала о славномъ прошломъ. На свадьбахъ, на похоронахъ и на всѣхъ собраніяхъ Пястунъ всегда занималъ первое мѣсто, потому что онъ зналъ лучше другихъ, въ какомъ мѣстѣ какую слѣдуетъ пѣть пѣсню, гдѣ что надлежало дѣлать, гдѣ и какую жертву посвящать богамъ. Въ судахъ тоже; если во время мира, случилась гдѣ нибудь въ селѣ или въ полѣ какое нибудь убійство, Пястунъ лучше всѣхъ зналъ, какой законъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣнить къ убійцѣ. А разъ Пястунъ сказалъ что нибудь, никто не прекословилъ и не спорилъ. Этотъ небогатый человѣкъ имѣлъ гораздо большее значеніе чѣмъ многіе изъ самыхъ зажиточныхъ кметовъ. Изъ далекихъ мѣстъ приходили къ нему за совѣтомъ, а если, что часто бывало, такъ какъ Пястунъ любилъ проводить два или три дня къ ряду въ лѣсу, ухаживая за своими пчелами, не заставляли его дома, тогда терпѣливо дожидались его возвращенія. Пястунъ вообще мало говорилъ и чрезвычайно неохотно; раньше чѣмъ отвѣтить, онъ долго разспрашивалъ, но если разъ сказалъ свое мнѣніе, ни за что не соглашался отказаться отъ него. Всѣ являющіеся къ нему знали объ этомъ и потому услышавъ мнѣніе или приговоръ Пястуна никогда не противорѣчили ему.

Это оказываемое всѣми уваженіе къ Пястуну, который живя почти у самого княжескаго столба, никогда не старался войти съ нимъ въ близкія отношенія, было причиною, что Пястунъ попалъ въ немилость къ князю. Но княжескіе слуги не смѣли даже заикнуться передъ своимъ владыкою о Пястунѣ; и самъ князь не хотѣлъ заводить ссоры съ Пястуномъ, опасаясь, чтобы онъ не употребилъ во зло своего вліянія. Нужно еще замѣтить, что Пястуна нельзя было привлечь ни лестью, ни подарками, особенно лесть была ему противна. Всѣ называли его гордымъ; можетъ быть, онъ и былъ гордъ въ самомъ дѣлѣ, хотя никто не помнилъ, чтобы Пястунъ злоупотребилъ когда нибудь тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ среди своихъ.

Пястуну въ то время, которое мы описываемъ, было лѣтъ около сорока; это былъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, но съ перваго взгляда личность его ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Только взглянувъ ему въ глаза, не трудно было замѣтить, что у Пястуна здоровый, сильный и спокойный умъ. Когда въ тѣ тревожныя времена всѣ ради одного страха сердились, ругались и вообще больше выказывали гнѣва, чѣмъ чувствовали въ дѣйствительности, Пястунъ никогда не терялъ понапрасну ни словъ, ни гнѣва. Тѣ, которые его не знали, думали, что онъ молчаливый эгоистъ, котораго нисколько не печалитъ грустная участь сосѣдей и земляковъ; между тѣмъ Пястунъ только на видъ казался молчаливымъ и выносливымъ, холоднымъ себялюбцемъ. Одѣвался онъ такъ просто, что за работою трудно было отличить хозяина среди его работниковъ: онъ не любилъ блестящихъ бездѣлокъ и украшеній, безъ которыхъ другіе не могли обойтись, а, главнымъ образомъ, не допускалъ никакихъ перемѣнъ въ одеждѣ

и образъ жизни, если онъ въ чемъ нибудь касались древняго обычая и могли его измѣнить.

Въ то время, когда удругихъ были двѣ и три жены, такъ какъ по принятому обычаю такая роскошь не считалась предосудительной, Пястунъ жилъ съ одною Жепицею и его жена не была рабыней, покорною слугою своего господина, какъ жены другихъ кметовъ; жили они въ дружбѣ и согласіи, такъ что трудно было найти болѣе счастливыхъ супруговъ.

Въ его хижинѣ и въ селѣ работали по цѣлымъ днямъ — съ утра до ночи; Пястунъ рѣдко когда оставался дома, а если это случалось, такъ развѣ только тогда, когда нужно было присмотрѣть за работою въ полѣ. Вишъ и Доманъ встрѣтили Пястунъ, съ корзиною на плечахъ отправляющагося въ лѣсъ къ своимъ пчеламъ. Они остановились; Вишъ соскочилъ съ лошади и привѣтствовалъ хозяина.

— Мы къ тебѣ, сказалъ онъ.

— Тогда вернемся въ избу, отвѣчалъ Пястунъ.

— Или лучше сядемъ гдѣ нибудь подъ деревомъ, въ сторонкѣ, а то твоя хижина на глазахъ у всѣхъ: у тебя бываетъ много чужихъ людей; а намъ хочется поговорить съ тобою наединѣ...

Пястунъ удивленными глазами посмотрѣлъ на Виша; не отказывая однако желанію гостя, онъ указалъ рукою небольшую поляну въ лѣсу, гдѣ стоялъ небольшой сарай для сѣна. Подобные сараи славяне называли *одрынами*. Въ эту минуту одрына была открыта настежь; ея прозрачныя, изъ вѣтвей сплетенныя стѣны позволяли сидящему въ ней видѣть всякаго приближающагося челоуѣка. Внутри, около дверей, лежали двѣ сосновыя колоды, какъ бы нарочно положенныя здѣсь для сидѣнья.

Всадники оставили лошадей на лугу, а сами сѣли въ сарай. Пястунъ вынулъ изъ корзины хлѣбъ и кусокъ сыра и положилъ ихъ на колодѣ передъ гостями, но они даже не дотронулись до нихъ. Вишъ началъ говорить первымъ.

— Ты живешь почти у самаго города, подъ княжескимъ столбомъ, началъ Вишъ;—незачѣмъ много толковать тебѣ о томъ, что у насъ дѣлается, какъ съ вами обращаются... Мы къ тебѣ затѣмъ пріѣхали, чтобы посовѣтоваться. Вѣче нужно созвать...

Вишъ остановился, Пястунъ, молча, внимательно слушалъ, а Доманъ прибавилъ:

— Если мы теперь не защитимъ себя, насъ истребятъ всѣхъ до одного. Мы должны защищаться. А по старому обычаю надлежитъ начинать съ созванія на вѣче всѣхъ кметовъ, всѣхъ жупановъ.

Пястунъ все еще слушалъ; Вишъ началъ широко распространяться о томъ, какъ они прежде жили по селамъ и городищамъ, что съ ними нынче стали продѣлывать, и какъ князья, недовольные тѣмъ, что они, военачальники, по нѣмецкому обычаю, вздумали всю власть забрать въ свои руки; сколько приходилось имъ переносить отъ маленькихъ князьковъ, которыхъ является все больше и больше, и какъ слѣдовало бы начать дѣйствовать противъ нихъ, чтобы освободить людей отъ ихъ насилій.

Пястунъ не прерывалъ его ни однимъ словомъ; Вишъ и Доманъ по очереди представляли ему печальное положеніе всѣхъ кметовъ. Наконецъ, высказавъ все, они умолкли, ожидая, что скажетъ Пястунъ. Онъ долго еще думалъ, сиди съ опущенною на грудь головою и наконецъ заговорилъ.

— Я скажу вамъ кое что о старыхъ временахъ. Вы слышали отъ своихъ отцовъ, а отцы ваши слыхали отъ своихъ, что нашъ языкъ былъ когда-то въ употребленіи и за Лобою, и далеко за Дунаемъ, по берегамъ синяго моря и на западѣ до Черныхъ горъ. Это было счастливое время, когда мы одни только жили на громадномъ пространствѣ, а у сосѣдей дома было много дѣла. Тогда-то мы хаживали безъ мечей, съ гусями, мы тогда пахали пашню и хозяйничали у себя дома безъ князей. Давно, давно ужъ прошло это время. Со стороны моря напали на насъ одни, другіе спустились съ горъ на нашу землю; съ оружіемъ въ рукахъ напали на насъ народы послушные своимъ князьямъ. Мы должны были защищаться. Насталъ конецъ нашему счастью, нашимъ пѣснямъ, нашему спокойствію. Нужно было взять себѣ вождей изъ-за моря, строить столбы, городища и сражаться... А старая свобода все напоминала намъ о себѣ; князь сталъ нашимъ врагомъ. И что же? Вотъ нѣмцы исподволь вытѣсняють наше племя и вытѣснили уже насъ изъ прежнихъ обиталищъ; земли у насъ становится все меньше и меньше.

Пястунъ замолчалъ...

— Ну, прогонимъ князей, избавимся отъ нихъ, а нѣмцы влѣзутъ намъ на спину, прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Мы и не думаемъ прогонять князей, отвѣчалъ Вишъ; — мы только хотѣли бы этого Хвоста промѣнять на другого. Ты хорошо знаешь, что онъ съ нѣмцами завелъ дружбу; весь родъ его льветъ всѣмъ сердцемъ къ нѣмцамъ. Не трудно найти другого. Довольно уже пролилось нашей крови. Вѣче намъ нужно...

Хозяинъ долго не отвѣчалъ: онъ взвѣшивалъ каждое слово Виша.

— Намъ и вѣче нужно и кое какія перемѣны тоже не лишни, сказалъ онъ; — но и то и другое не такъ легко сдѣлать. Не легкое дѣло задумали вы совершить, точно хотите голую руку положить въ улей. Одни встаютъ противъ Хвостка и плачутся на него, другіе горою за него стоятъ; согласія не будетъ, а тѣмъ временемъ нѣмецъ успѣетъ пронюхать и бросится на насъ съ оружіемъ въ рукахъ въ то время, когда мы будемъ ссориться и драться между собою. Вѣче намъ нужно, нечего спорить, но такое вѣче, какія бывали во времена отцовъ нашихъ; прежде всего нужно согласіе. Ну, собирайте старшинъ на вѣче.

Они втроемъ начали считать сколько кметовъ и жуановъ будетъ держать сторону Хвостка, сколько ихъ пойдетъ противъ него, и оказалось, что не малое количество будетъ защищать князя, хотя всѣ знали, что онъ звѣрь и безсердечный себялюбецъ.

Вплоть до вечера совѣщались они въ сараѣ; потомъ пошли въ избу и заняли мѣста у очага. Едва успѣли они разломать хлѣбъ, какъ въ свѣтлѣ-

цѣ откуда-то появился небольшой, сутуловатый, съ коротко остриженной головою человѣчекъ, въ коротенькой одеждѣ. Кошачьи глаза его съ любопытствомъ разсматривали хозяина и его гостей. Когда замѣтили этого нежеланнаго гостя, умолкли всѣ. Это былъ княжескій слуга, всю жизнь свою скитался онъ по свѣту—князь постоянно куда нибудь посылалъ его съ цѣлью узнавать, что дѣлаютъ и что толкуютъ люди. Всѣ, и въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ, боялись его и недолюбливали, потому что онъ умѣлъ и высмотрѣть все, и подслушать, и явиться тамъ, гдѣ меньше всего надѣялись его видѣть, а потомъ все слышанное и видѣнное передавалъ своему господину. Не легко было ускользнуть отъ его глазъ. Онъ точно дикая кошка садился на деревья, если ему нужно было все видѣть и слышать, а самому не быть замѣченнымъ; онъ прятался въ чащѣ вѣтвей и листьевъ, закапывался въ лѣсны норы, въ стога сѣна, укладывался въ травѣ или тростникѣ. Его звали Зноскомъ; этимъ прозвищемъ онъ былъ обязанъ своему небольшому росту и жалкому виду. Его появленіе среди кметовъ служило всегда знаменіемъ какой нибудь бѣды. Этотъ ядовитый змѣй никогда не возвращался въ городъ безъ добычи, а его добыча состояла изъ обвиненій, которыми онъ умѣлъ въ удобную минуту передавать своему господину.

Его широкій ротъ, въ которомъ бѣлѣли два ряда зубовъ, смѣялся въ дверяхъ. Зносекъ стоялъ у порога и разглядывалъ всѣхъ присутствующихъ въ избѣ. Онъ поздравилъ Пястуну и все улыбаясь присѣлъ на скамьѣ возлѣ него. Гости поглотили все его вниманіе.

Полная тишина царствовала въ избѣ, одна только Жепица, которая суежилась около огня и, какъ женщина, больше всѣхъ опасалась Зноска, подала ему чарку пива. Противный человѣкъ взялъ чарку въ обѣ руки, посмотрѣлъ въ нее, захохоталъ и началъ какъ бы про себя хриплымъ голосомъ

— Мать Жепица, у тебя сердце лучше, чѣмъ у другихъ. Ты вотъ сжалилась надо мною, а меня никто не привыкъ жалѣть, всѣ меня ненавидятъ! А чѣмъ я виноватъ передъ ними, а? Чѣмъ виноватъ? Развѣ я дѣйствительно такой злой, какъ говорятъ? Я глазъ еще никому не выкалывалъ; никого не околдовалъ; я готовъ служить каждому; слушаюсь всѣхъ. А за это всѣ меня топчутъ ногами, плюютъ мнѣ въ лицо и всякій радъ бы задавить меня, если бы смѣлъ.

И Зносекъ заливался дикимъ смѣхомъ, глотая пиво.

— Откуда же ты знаешь, что люди такъ ненавидятъ тебя? спросилъ Пястунъ.

— По глазамъ вижу! Ого! отвѣчалъ довольнымъ тономъ Зносекъ;—у меня собачье чутье!..

Не много погода онъ добавилъ:

— А знаете новость?

— Какая новость? спросилъ хозяинъ.

— У его милости въ городѣ, у столба, готовятъ большой пиръ и великую радость. Намъ уже надоѣло воевать да ссориться. Князь хочетъ жить въ дружбѣ съ своими. Того, которому глаза выкололи, отпустить на

волю, чтобы шель, куда глаза глядят. Кто знает, может быть у него, явятся новые глаза? Дядей своих и двоюродных братьев князь пригласит к себе в город и мы заведем дружбу на века вечные! Вот вам и новость, и радость большая; а кому же радоваться, если не вам? А потом, когда все князья возьмутся за руки и пойдут все за одно, у нас водворится порядок! Теперь соберутся какиенибудь жалкие жупаны и лезут к князю, кулаками угрожают, потому что они знают, что князья не ладят между собою! Ого, потом этого не будет!

Зносеку все громче хохотал; все молчали. Зносеку готов был продолжать свою речь, когда у дверей раздался чей-то голос. Все обернулись к входным дверям. На пороге стоял человек весь в черном, с большою палкою в руках и глазами считал всех находящихся в избе. Когда он заметил Зносеку, не сказал ни одного слова, вышел из избы и сел на крыльцо.

— Этот как меня завидел, сказал Зносеку смеясь, — не захотел даже выговорить приветствия; пропала у него охота погостить у тебя, Пястун!

После этих слов безобразный человек выпил остаток пива, поставил чарку на стол и, остановившись по средине избы, проговорил вслух, держась за бока руками:

— Вишь и Домань!! Вишь и Домань!...

— Как! ты меня знаешь? спросил Вишь.

— Я? Дней десять пришлось бы идти от города до того места, где я никого не знаю, заметил Зносеку; — собак — и тех я знаю; как же не знать мне всех кметов? Вот тот, который вернулся с порога, старый Зымба. Не правда ли? Я даже знаю, зачем он пришел к тебе и почему не хотел ничего сказать. С его сыном случилось в городе несчастье. Он подрался с Славоем во время пира, ну и порезались молодцы. Мы потом опустили его в озеро, чтобы он отрезвился, но он лишку воды захватил... и здох.

Сказав это, Зносеку захохотал, поклонился, прыгнул раз, другой и выбежал из избы.

Долго еще после ухода неуклюжаго Зносеку сохранялось глубокое молчание в избе; все точно ожидали, что вот откроются двери и в них покажется противный карлик. Зымба тоже сидел на крыльце и не входил в избу; он дожидался, чтобы Зносеку исчез ему с виду. Когда Зымба показался в дверях, Пястун подошел к гостю.

— Я пришел к тебе, начал старик, — пожаловаться да поплакать горькими слезами.. Я одиноко теперь... Моего сына убили в городе... Мы едва нашли его тело, чтобы сжечь погибшего на костре. Скажите же, братья мои добрые, люди мы или дикие звери, которые не знают мести и позволяют убивать себя всякому кому это вздумается?

Старик умолк; он не трогаясь с места стоял, сложив руки на груди.

— У меня еще двое детей осталось, — продолжал он, — хоть бы этих

уберечь! Куда же мнѣ съ ними укрыться? Какъ защитить ихъ головки отъ хищнаго звѣря? Хвостекъ взялся на меня.

Вишъ всталъ со скамьи и приблизился къ Зѣмбѣ.

— Братъ, сказалъ онъ, — пора, давно ужъ пора подумать о нашей судьбѣ... Садись и давай свой совѣтъ.

Небольшой кружокъ людей, рѣшившихъ созвать вѣче, увеличился еще однимъ человѣкомъ.

До поздней ночи совѣщались притѣсняемые кметы.

На слѣдующій день раннимъ утромъ Доманъ и Вишъ выѣхали изъ хижины Пистуна. Хотя Вишъ оставилъ своихъ людей у Домана, но онъ такъ торопился вернуться домой, что не заѣхалъ за ними; простившись въ лѣсу съ Доманомъ, старикъ хорошо извѣстными ему проходами и тропинками поѣхалъ прямо по направленію къ своему селу. На слѣдующій день онъ уже пріѣхалъ въ свою хижину; собаки встрѣтили его веселыми завываніями и громкимъ лаемъ. Въ хижинѣ мерцалъ огонекъ; старуха Яга съ прялкою въ рукахъ сидѣла у очага. Она поклонилась своему мужу, по обычаю, до колѣнъ. Вишъ сѣлъ на скамью и, снимая сапоги, началъ разспрашивать жену обо всемъ, что произошло у него въ домѣ во время его отсутствія. Старшій сынъ Виша, котораго разбудилъ лай собакъ, пришелъ къ отцу и рассказалъ ему обо всемъ обстоятельно. Волкъ унесъ одну овцу; они не сумѣли поймать хищника, хотя отняли у нею добычу... Вишевъ сынъ сваливалъ всю вину на пастуховъ, которые, вздремнувъ, не замѣтили какъ подкрался къ стаду волкъ...

Старикъ, выслушавъ рассказы жены и сына, послѣднему велѣлъ остаться съ собою. Яга съ прялкою ушла въ спальню.

— Людекъ, обратился Вишъ къ сыну, — мы рѣшили, что нужно созвать старшинъ на вѣче наканунѣ Купалы, въ Зѣминое городище. Разошли по старшинамъ и по селамъ, и самъ поѣзжай. Дѣлай какъ знаешь, даю тебѣ полную свободу, но помни, что нужно торопиться.

— Лучше я самъ поѣду, отвѣчалъ сынъ. — Кого мнѣ послать, кого выбрать — не знаю. Лучше самъ съѣзжу.

Однакожь, не смотря на твердое рѣшеніе ѣхать самому, Людекъ печально задумался, опустивъ голову на грудь. Старикъ смотрѣлъ на своего сына и тоже задумался.

— Что будетъ — тому и быть, проговорилъ наконецъ Людекъ; — ѣхать нужно, завтра же поѣду и понесу зеленую вѣтвь отъ села къ селу.

Разговоръ этимъ и окончился.

Проснувшись на слѣдующій день раннимъ утромъ, Вишъ узналъ, что сынъ его чуть свѣтъ выѣхалъ со двора.

Нѣсколько дней прошло съ того времени; старикъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ сына и не зналъ о ходѣ дѣла. Жизнь въ Вишевомъ селѣ проходила, между тѣмъ, такъ же, какъ и прежде; рѣдко къ нимъ заглядывалъ гость или прохожій. Однажды вечеромъ, послѣ знойнаго дня, старикъ Вишъ отдыхалъ подъ дубами возлѣ своей хижины. Собаки лежали у его

ногъ. Старикъ глубоко задумался о сынѣ, о предстоящихъ дѣлахъ и, уставши, вздремнулъ. Вдругъ одна собака вскочила, побѣжала къ рѣкѣ и нетерпѣливо начала бѣгать, какъ бы почуявъ кого-то; звѣря дикаго или опаснаго человѣка собака издали встрѣтила бы лаемъ. Старикъ изумился, замѣтивъ, что собака остановилась на мѣстѣ и начала вилять хвостомъ, какъ будто увидѣла знакомаго. Но никого не было еще видно. Собака побѣжала впередъ, виляя хвостомъ, и начала весело лаять. Вишъ привсталъ, посмотрѣлъ въ сторону тростника, откуда доходилъ лай собаки и увидѣлъ того, кого меньше всего ожидалъ теперь видѣть — Самбора. Молодой парень стоялъ среди кустовъ, точно не смѣя приблизиться къ воротамъ, но, увидя хозяина, пошелъ твердымъ шагомъ къ нему.

Вишъ выпрямился и, нахмутивъ брови, поджидалъ Самбора.

— Ты какими судьбами? Откуда? Какъ улизнулъ ты изъ города? спрашивалъ Вишъ, когда Самборъ кланялся ему въ ноги.

— Я долженъ былъ бѣжать, хотя съ опасностью быть открытымъ и поплатиться за это жизнью, отвѣчалъ Самборъ;—я долженъ предостеречь тебя. Я не хотѣлъ, чтобы твой дворъ сталъ жертвою неожиданнаго несчастья...

— Несчастье? Что такое? Какое несчастье? спрашивалъ Вишъ.

— Три дня тому назадъ донесли князю: Вишъ ѣздитъ по селамъ и по дворамъ и собираетъ кметовъ на вѣче.

— Кто донесъ?

— Смерда принесъ эту вѣсть съ охоты третьяго дня, объяснилъ Самборъ.—Хвостекъ вскочилъ какъ бѣшеный, разсердился, сказалъ, что велитъ сравнять съ землею твой дворъ, а тебя, отецъ мой, повѣситъ на первомъ деревѣ. Всю свою злость онъ хочетъ излить на тебя. Онъ уже велѣлъ людямъ быть на готовѣ. Я слышалъ, какъ князь давалъ это приказаніе и сейчасъ же бросился въ озеро и переплылъ его, чтобы предостеречь тебя объ этомъ. Если не сегодня, то завтра непременно они придутъ.

Вишъ стоялъ, раздумывая о томъ, что ему теперь дѣлать; онъ былъ спокоенъ; ни страхъ, ни отчаяніе не овладѣли его душою. Оставалось только, или защищаться въ своей хижинѣ, созвавъ всѣхъ жившихъ на его землѣ, или же поскорѣе съ семействомъ и всѣмъ добромъ уходить въ лѣсъ. Последнее не легко можно было привести въ исполненіе: одному человѣку не трудно спрятаться въ лѣсу и избѣжать преслѣдованія врага, но по слѣдамъ стадъ и табуновъ животныхъ, княжескіе слуги съумѣютъ найти бѣглецовъ. Въ лѣсу же, хотя бы и построить засѣки, такъ же трудно защищаться, какъ въ оградѣ. Покориться судьбѣ и выдать себя и своихъ головою Хвостку—неминуемая смерть или неволя. Старикъ за себя не боялся, давно уже его манило что-то въ могилу, къ отцамъ и дѣдамъ... онъ боялся и беспокоился за судьбу своихъ сыновей и дочерей. Молча онъ далъ знакъ рукою Самбору, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ и оба пошли къ забору. Нѣсколько разъ старикъ останавливался, опускалъ голову на грудь и задумывался.

Въ воротахъ Вишъ встрѣтилъ старшаго сына, который ѣздилъ созывать кметовъ на вѣче и только что вернулся. Людекъ на возвратномъ пути домой узналъ, что въ городѣ, у князя, задумывали противъ его отца. Онъ передалъ другому право созывать старшинъ на вѣче, а самъ вернулся къ отцу. Присутствіе Самбора освобождало его отъ непріятной обязанности передавать отцу печальныя извѣстія.

— Сегодня они еще не поспѣютъ къ намъ прискакать, сказалъ старикъ;—у насъ есть еще время подумать, что намъ дѣлать и къ утру приготовиться принять незваныхъ гостей. Теперь нужно созвать челядь, затрубить, чтобы пастухи вернулись. Самборъ, бѣги къ людямъ въ Рыбаки и Бондари... Кто въ состояніи держать мечъ въ рукахъ, пусть сейчасъ же является. Зажгите трутъ, вмѣсто зеленой вѣтви... и... скорѣе!

Смотря теперь на старика Виша можно было подумать, что онъ не только не боялся князя и его слугъ, но радъ былъ тому, что будетъ съ ними сражаться, что еще разъ въ жизни приметъ участіе въ открытомъ бою. Парни, сыновья—все кто жилъ въ Вишевомъ селѣ—осматривали оружіе, бѣжали за людьми въ Рыбаки, Бондари и другія усадьбы.

Женщины вышли изъ свѣтлицъ, собирались кучками на дворѣ, громко рыдая и ломая руки. Эти стоны давили сердце старика, онъ велѣлъ имъ молчать, все притихли. Дива съ Ягою стояла впереди всѣхъ.

— Все вы, женщины съ дѣтьми, идите въ лѣсъ! крикнулъ старикъ.— Веди ихъ въ лѣсъ, Дива. Вернетесь тогда, когда насъ, мертвыхъ или искалѣченныхъ, нужно будетъ или хоронить или перевязывать наши раны.

Женщины исчезли. На дворѣ бѣготня и движеніе принимали все большіе и большіе размѣры. Старикъ Вишъ безпрестанно отдавалъ приказанія, лично заглядывая во все углы, гдѣ кипѣла работа. Въ хижинѣ Дива, которая рыдала меньше другихъ, собирала женщинъ и дѣтей, велѣла заготавливать имъ хлѣбъ на дорогу. Вишъ приказалъ отправить одного мальчугана на небольшой лошадекъ въ ту сторону, откуда ожидали враговъ, чтобы онъ, заслышавъ о ихъ приближеніи, сейчасъ же вернулся въ село и далъ знать; такимъ образомъ, они были обезпечены, что ихъ не застанутъ въ располхъ. Всю ночь работали парни, поджидая съ минуты на минуту людей изъ Рыбковъ и Бондарей. О врагѣ не было еще свѣдѣній. Дива, стоя во главѣ женщинъ, готова была по первому извѣстію о приближеніи княжескихъ слугъ, уходить съ ними въ лѣсъ. Никому и въ голову не пришло вздремнуть даже на минуту. Собаки были жалобно. Напрасно старались ихъ унять; онѣ переставали на минуту, но снова подымали протяжный вой, что обитатели села принимали за предзнаменованіе несчастія.

Къ утру въ село подошла горсть работниковъ, ведя за собою всѣхъ собранныхъ ими жителей усадьбы Виша. Они имѣли жалкій и вовсе не воинственный видъ.

Уже начинало свѣтать, когда посланный мальчуганъ прискакалъ къ селу съ громкимъ крикомъ:

— Ъдутъ! Ъдутъ!!

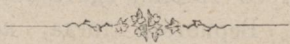
Онъ соскочилъ съ лошади и припалъ къ землѣ тяжело дыша. Вишь разставилъ своихъ людей такъ, чтобы княжескіе слуги, подѣхавъ къ забору, не могли замѣтить никакихъ приготовленій къ защитѣ, ни одного человѣка.

Хижина Виша издали имѣла свой обыденный видъ, но парни, припавшіе къ землѣ, притаились за заборомъ и за толстыми стволами деревьевъ, готовые броситься на врага по первому приказанію хозяина. Старикъ Вишь въ одной рубахѣ, съ накинутой на плечи сермягою, безъ оружія, босикомъ стоялъ у воротъ и спокойно дожидался незваныхъ гостей.

Вдали что то загудѣло, по шуму и тону легко можно было догадаться, что довольно значительная дружина всадниковъ приближается къ селу... Вскорѣ послышались хохотъ, веселый говоръ и крики.

Въ селѣ царствовала полная тишина, только аистъ клекоталъ длиннымъ своимъ клювомъ, хозяйничая въ своемъ гнѣздѣ, точно желая дать знать людямъ, что опасность приблизилась.

Вдругъ за кустами старикъ увидѣлъ шапку Смерды и коня нѣсколькихъ всадниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Видно они надѣялись застать Вишевыхъ людей врасплохъ и смѣялись, весело разговаривая между собою.

Огонь съ жадностью пожиралъ костеръ (стр. 104).

ГЛАВА IX.

видѣвъ старика, Смерда повернулся къ своимъ людямъ, далъ имъ знакъ рукою: дружина разбѣжалась во всѣ стороны, окружила Вишевъ дворъ и остановилась, точно опасаясь, что кто-нибудь выйдетъ тайкомъ изъ нея.

Смерда съ тремя слугами подѣхалъ къ воротамъ, нисколько не подозрѣвая, что здѣсь поджидали его. Въ городѣ до сихъ поръ не замѣтили, что Самборъ исчезъ; не зналъ объ этомъ и Смерда.

Вишь стоялъ въ воротахъ, съ поднятою голову, ожидая нападенія со стороны княжескихъ слугъ. Безоружный старикъ не казался ему страшнымъ. Смерда, насмѣшливо улыбаясь, обратился къ Вишу:

— Вотъ я снова къ тебѣ въ гости! крикнулъ онъ издали; — радъ ты мнѣ, неправда ли?

— Я всегда радъ гостямъ, отвѣчалъ Вишь спокойно.

— Князь присылаетъ тебѣ поклонъ и приглашаетъ къ себѣ, на козлятину, на чарку меда, да на дружескій разговоръ, сказалъ Смерда насмѣшливымъ тономъ; — а чтобы ты скорѣе къ нему пожаловалъ меня прислалъ за тобою.

Вишь молчалъ нѣкоторое время.

— Я радъ бы поклониться князю, сказалъ онъ, ударяя на каждомъ словѣ, — но я старъ, а онъ молодъ. Я самъ себѣ господинъ и господинъ на своей землѣ; онъ властелинъ въ городѣ... Если у него есть ко мнѣ дѣло, можетъ сообщить о немъ черезъ посланнаго.

Смерда, все ближе приближаясь къ старику, сталъ ругать его.

— Молчи, ты старый негодяй! непослушный, наглец! кричалъ Смерда; — я прѣѣхалъ не въ гости звать тебя, а судить, я привезъ съ собою веревки. Тебѣ вздумалось соблрать людей на вѣче! Ты...

— Да, я! отвѣчалъ Вишъ, не трогаясь съ мѣста; — я... каждый изъ насъ, старшинъ, имѣетъ право сзывать людей на вѣче! Такъ было съ незапамятныхъ временъ, такъ будетъ пока мы живы!

— Научимъ мы васъ вѣчевать! кричалъ взбѣшенный Смерда и, подѣхавъ къ старику, поднялъ руку на него. Вишъ спокойно отошелъ въ сторону.

— Ты ѣлъ хлѣбъ подъ моею крышей, проговорилъ онъ, — я зла тебѣ не желаю. Уходи прочь, прошу тебя, и скажи князю, что вѣче будетъ, хотя бы онъ убилъ меня.

Вишъ не успѣлъ еще выговорить послѣднихъ словъ, какъ Смерда призвалъ своихъ и нѣсколько человѣкъ съ крикомъ и визгомъ бросилось на неустрашимого старика, который теперь только выпулъ мечъ изъ подъ платья. Изъ-за изгородей, заборовъ и хижинъ всѣ работники, челядь и сыновья Виша намѣревались броситься на отрядъ Смерды. Но Вишъ удержалъ ихъ на мѣстѣ знакомъ руки: онъ хотѣлъ избѣжать пролитія крови.

Княжескіе слуги, испуганные появленіемъ вооруженныхъ людей, готовыхъ защищать Виша, отскочили назадъ.

— Мы будемъ защищаться! крикнулъ Вишъ. — Уходите, повторяю вамъ, если не хотите вашей разбойничьей кровью оросить моей земли... А ты, съ гнѣвомъ обратился онъ къ Смердѣ, — ты, измѣнникъ! Тебѣ ли пристало нападать на своихъ и служить чужимъ? Ты—подлый рабъ!...

Лицо Смерды налилось кровью, онъ заметался во всѣ стороны ругалъ своихъ людей и крикнулъ имъ:

— Бейте и рѣжьте!

Градь стрѣлъ посыпался съ обѣихъ сторонъ. Работники Виша, горѣвшіе нетерпѣніемъ вступить въ рукопашный бой съ людьми Смерды, тѣснились у воротъ, къ которымъ, съ другой стороны, напирали княжескіе слуги со Смердою во главѣ. Старикъ Вишъ оставался въ самой серединѣ этой толпы, не будучи въ состояніи выйти изъ нея. Заборъ и ворота трещали отъ напора сражающихся.

Старшій сынъ Виша Людекъ, защищая отца, ударилъ мечомъ по головѣ Смерда и, разрѣзавъ по-поламъ шапку, нанесъ ему сильный ударъ въ голову. Кровь потекла изъ раны обильною струею. Почти въ тоже самое мгновеніе копьѣ одного изъ княжескихъ слугъ вонзилось въ грудь стараго Виша; рубаха его покраснѣла отъ крови, лившейся изъ раны. Старикъ дрожащей рукою схватилъ копьѣ, вонзившееся ему глубоко въ грудь, вытащилъ его, не желѣзо и кусокъ дерева осталось въ ранѣ. Вишъ, схватившись обѣими руками за грудь, издалъ протяжный, жалобный стонъ и упалъ на руки сына.

Увидя трупъ своего господина, рабочіе и челядь съ бѣшенствомъ бросились на княжескихъ слугъ. Сраженіе началось; луки и пращи были на время забыты: кулаки и зубы,—вотъ оружіе которымъ начали мстить городскимъ людямъ работники стараго Виша. На крикъ и шумъ подоспѣли на

помощь къ Смердѣ тѣ, которые обходили заборы, желая напасть со всѣхъ сторонъ на домъ Виша. Ихъ неожиданное появленіе нѣсколько смутило защитниковъ. Но это продолжалось только одно мгновение: стоявшіе во дворѣ, въ свою очередь, ударили на осаждающихъ; замѣтивъ это, прежніе бойцы бросились на Смерду и его слугъ и успѣли ихъ нѣсколько отодвинуть отъ забора. Трупъ Виша, облитый кровью, возбуждалъ въ нихъ новыя силы для борьбы.

Съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей нападало другъ на друга. За одного старца слуги его положили на мѣстѣ нѣсколькихъ смердовыхъ воиновъ. Смерда былъ тяжело раненъ; когда его глаза стали заплывать кровью, онъ удалился съ поля сраженія и приказалъ своимъ отступить. Оставшіеся въ живыхъ княжескіе слуги стѣснились около своего вождя и отступили къ рѣкѣ. Побѣдители не преслѣдовали ихъ; они довольствовались ѣдкими насмѣшками и ругательствами, которыя посылали вслѣдъ Смердѣ и его товарищамъ. Отъ рѣки доходили до нихъ только крики и шумъ; слуги Виша не оставались въ долгу, отвѣчая тѣмъ же.

— Собачьи сыны! Невольники! Рабы!

— Змѣи! Предатели! Измѣнники!...

Такія слова раздавались то съ одной, то съ другой стороны. Кулаки и мечи поминутно подымались вверхъ.

— Идите-ка сюда! кричали одни.

— Попробуйте подойти! отвѣчали другіе.

Между тѣмъ, въ кустарникѣ, на берегу рѣки, Смерда обвязывалъ себѣ голову, а сыновья Виша подняли трупъ отца и понесли его въ избу на постель. Плачъ и крикъ раздавались теперь въ Вишевой хижинѣ.

Никто не думалъ начинать снова сраженія. Голоса понемногу притихли. Теперь можно было навѣрное разсчитывать, что Смерда оставитъ ихъ въ покоѣ. Дѣйствительно, Смерда былъ доволенъ и тѣмъ, что виновникъ и зачинщикъ погибъ и думалъ о возвращеніи къ князю. Ни онъ, ни люди его не хотѣли подвергать своей жизни новой опасности, не считая себя болѣе сильными, чѣмъ ихъ противники. Они довольствовались угрозами и легли на землѣ недалеко отъ воротъ, гдѣ оставались до поздняго вечера. Людекъ велѣлъ зорко слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ, чтобы они ночью внезапно не бросились на село. Ночь наступила, говоръ притихъ, казалось, что княжескіе слуги заснули.

Высланный мальчуганъ, подползшій на четверенькахъ до того мѣста, гдѣ стояла дружина Смерды, увидѣлъ какъ они, пользуясь темнотою ночи, перешли рѣку въ бродъ и по противоположному ей берегу поѣхали въ сторону княжескаго столба. Теперь, оставивъ нѣсколько человекъ на часахъ, можно было отдохнуть хоть на время. Дорого обошелся имъ этотъ отдыхъ!

Въ свѣтлицѣ, на своей постели, лежалъ трупъ старика, который съ тою рукою все еще держалъ кусокъ дерева, глубоко засѣвшій въ его груди, облитой черною застывшей кровью. Лучина горѣла на очагѣ, оба сына си-

дѣли въ свѣтлицѣ и заливались горькими слезами. Некому было думать о похоронахъ, потому что всѣ женщины все еще сидѣли въ лѣсу.

Самборъ побѣждалъ за ними въ лѣсѣ; долго звалъ онъ ихъ, пока на зовъ его отвѣтили; затѣмъ сошлись жена Виша, его дочери, невѣстки, служанки и внучата. Среди глубокой ночи возвращались онѣ изъ лѣсу. Женщины рыдали, пѣли, охали, вырывая себѣ волосы, а лѣсъ глухимъ стономъ вторилъ имъ, какъ будто сочувствуя ихъ горю.

Впереди шла Яга, съ распущенными длинными сѣдыми волосами, сложенными на груди руками, съ закрытыми глазами. Дочери вели ее подъ руки.—Онѣ тоже распустили косы, сняли вѣнки съ головъ, разорвали свою одежду.—Одна Дива молчала и слѣдовала за всѣми какъ полумертвая.

Печальные стоны, плачъ и грустные пѣсни женщинъ разстрогали мужчинъ, и они стали рыдать. Когда отворили двери въ свѣтлицу всѣ женщины бросились къ трупъ старика.

Огонь началъ гаснуть на камняхъ: кто-то подбросилъ пучекъ лучинъ, огонь снова запылалъ пламенемъ и освѣтилъ такую страшную картину, что одинъ видъ ея заставилъ рыдать тѣхъ, которые уже цѣлый день плакали и стонали.

На дворѣ собаки выли, въ сараяхъ ревѣли коровы и ржали лошади. Наконецъ Дива поднялась съ земли. Старуха Яга послѣдовала ея примѣру, однѣ только плакальщицы остались лежать на землѣ, оглашая воздухъ плачемъ и пѣснями. Мать и дочь принялись одѣвать умершаго.

Пепелище находилось довольно далеко отъ хижины, на песчаной полянѣ въ серединѣ лѣса. Работники отправились туда приготовить дровъ для костра, собрать камни на могилу, потому что не хотѣли долго держать трупа несожженнымъ, чтобы духъ старца могъ скорѣе улетѣть къ отцамъ своимъ и братьямъ.

Ночь прошла среди приготовленій и плача... Къ утру старый Вишъ сидѣлъ на скамьѣ точно живой. На него надѣли лучшую одежду, препоясали лучший мечъ, на голову одѣли шапку съ бѣлымъ перомъ; лукъ, праща, каменный топоръ отцовъ и кремневое долото дополняли одежду и вооруженіе умершаго на полѣ брани старца.

Сѣропѣгій конь, на которомъ совершилъ Вишъ послѣднее путешествіе, стоялъ возлѣ хижины въ сараѣ. Ему суждено было погибнуть на кострѣ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ...

У ногъ покойника сидѣла Яга, съ опущенною головою. Старуху-вдову нарядили въ самое красивое ея платье и платки, на шеѣ у нея блестѣли янтарныя бусы. Старуха вздыхала и стонала, сидя у ногъ покойника мужа. Немного подальше отъ нея сидѣли плакальщицы, царапая себѣ грудь руками. Онѣ плакали и завывали. Въ глубинѣ избы стояли сыновья Виша, отирая слезы руками.

—...Ушелъ ты отъ насъ, пѣли плакальщицы, нѣтъ тебя болѣе, господинъ нашъ, оставилъ ты насъ сиротами. Отошелъ ты къ отцамъ своимъ, къ яснымъ духамъ, воевать будешь съ черными духами. На землѣ у тебя

было все, чего душа твоя желала... Земля обширная, звѣрей бездна, безъ счета скотины, запасы хлѣба, тысячи ульевъ и медъ бѣлый... И любила тебя люди... И жену имѣлъ ты вѣрную и любящую, послушныхъ дѣтей, покорную челядь, лошадей быстроногихъ... И бросилъ ты, господинъ нашъ, и насъ всѣхъ... и дѣтей... и жену свою... и никогда къ намъ не вернешься... Взгляни на оставленныхъ сиротъ, рвутъ они волосы, слышишь ихъ стоны... Открой вѣки, Вишъ, воинъ непобѣдимый; врагъ напалъ на тебя... измѣнникъ-врагъ убилъ тебя... Но кровь твоя отомщена... Местъ не насытна; послѣдній изъ твоего рода будетъ еще мстить твоимъ врагамъ; и будетъ такъ во вѣки вѣковъ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ племени убійцъ и разбойниковъ...

Пѣсня эта повторялась много разъ, сопровождаемая стономъ, плачемъ и рыданіями.

Начинало уже свѣтать, когда вернувшіеся съ работы въ лѣсу работники объявили, что на полянѣ готовъ уже костеръ. Сейчасъ же были посланы люди Виша къ сосѣдямъ съ приглашеніемъ отъ старухи Яги и сыновей Виша на скорбный хлѣбъ.

Печальное шествіе тронулось изъ села. Четыре работника несли сидящее тѣло покойнаго, за которымъ вели лошадь стараго кмета, его собакъ, несли одежду и оружіе. Плакальщицы окружили тѣло Виша, напѣвая пѣсни и издавая ужасные стоны. За ними слѣдовали слѣдовласый Слованъ и Яга, которую поддерживали двѣ ея дочери; всѣ, безъ исключенія, работники и работницы вышли проститься съ любимымъ всѣми хозяиномъ. Въ селѣ не осталось ни одной живой души. Всѣ избы настѣжъ были открыты.

Чтобы дойти до поляны, на которой сожигали тѣла умершихъ, приходилось проходить черезъ густой лѣсъ, окружающій со всѣхъ сторонъ Поляну; лѣсъ этотъ защищалъ могилы отъ чужихъ. На полянѣ нѣсколько рядовъ большихъ камней обозначали могилы прежде умершихъ кметовъ. Засохшая трава была единственнымъ украшеніемъ этого жилища мертвыхъ.

У самаго входа, на плотно убитой землѣ, находился огромный костеръ, сложенный изъ сосновыхъ бревенъ, поддерживаемыхъ четырьмя высокими колодами, глубоко вбитыми въ землю съ четырехъ его сторонъ. Рядомъ съ костромъ стояли зольники, горшки, мисы, и маленькіе глиняные сосуды, въ которые послѣ сожженія костра должны были положить пепель и обѣтныя жертвы; на землѣ лежалъ хлѣбъ, калачи, мясо, пиво и медъ — все приготовленное для совершенія обряда тризны. Лучезарное, ясное солнышко и теплый майскій день дѣлали погребальный праздникъ еще болѣе торжественнымъ и спокойнымъ, точно добрые духи выражали этимъ свою радость, что къ нимъ прибудетъ старый Вишъ.

Женщины окружили Ягу, которая молча цѣловала по очереди всѣхъ дѣтей своихъ, точно на вѣки вѣчныя прощаясь съ ними. Онѣ не говорили ни одного слова; со вчерашняго дня старуха хранила глубокое молчаніе, но всѣ предчувствовали, всѣ знали, что она рѣшилась умереть вмѣстѣ со своимъ

мужемъ, и ни за что не согласится остаться на землѣ одна, оспротѣлая, безъ мужа.

Плакальщицы громко пѣли и стонали, когда сыновья Виша и его работники внесли тѣло покойнаго на костеръ, и посадили его въ самой серединѣ, укладывая вокругъ него все, что вмѣстѣ съ нимъ слѣдовало предать огню. Тутъ было собрано все, чѣмъ пользовался при жизни старикъ дома, за работою и на охотѣ. Сосновыя колоды, уложенныя одна на другой, точно лѣстница, вели къ трупу, окруженному оружіемъ и одеждою.

Еще не совсѣмъ усадили Виша на кострѣ, еще не успѣли привязать его, когда Яга, горячо поцѣловавъ Диву, медленнымъ шагомъ направилась къ костру. Къ ней подбѣжали сыновья, желая удержать ее, но она рукою ихъ слегка оттолкнула; подошли къ ней дочери, Яга дала имъ знакъ рукою, чтобы онѣ отошли въ сторону; маленькія внуки бросились къ ней съ плачемъ, но она указала на нихъ рукою своимъ дочерямъ, чтобы тѣ взяли дѣтей на руки... Яга, не останавливаясь, твердымъ шагомъ, подошла къ костру; остановившись здѣсь, она посмотрѣла въ послѣдній разъ на всѣхъ окружающихъ и смѣло поднялась по ступенямъ на костеръ, къ своему мужу; Яга упала къ ногамъ покойника и, обнявъ ихъ руками, сидѣла недвижно, точно умершая.

Плакальщицы все громче охали и стонали. Работники привели вѣрнаго Вишева коня и привязали его къ столбу, связавъ ему ноги. Рядомъ поставили любимыхъ Вишевыхъ собакъ... Плакальщицы начали бѣгать вокругъ костра. Плачъ и стоны увеличивались. Наконецъ зажгли въ четырехъ сторонахъ смолистыя лучины. Едва успѣли зажечь ихъ, какъ весь костеръ объяло пламенемъ. Дымъ и пламя закрыли покойника и Ягу.

Огонь съ жадностью пожиралъ костеръ. Неописанный пронзительный крикъ присутствующихъ огласилъ воздухъ. Вѣтеръ усиливалъ пламя, которое своими огненными языками лизало сосновыя бревна, преврщая ихъ въ уголь. Рубиново-красныя бревна опускались все ниже и ниже. Окружавшіе костеръ мужчины и женщины пристально смотрѣли на обуглившіеся трупы Виша и Яги, ожидая, когда души ихъ улетятъ къ небу.

Наступила минута, когда слѣдовало отгонять злыхъ духовъ, черныхъ боговъ; четыре работника, верхомъ, держа въ рукахъ длинныя копья поскакали вокругъ костра, а всѣ присутствующіе, махая руками, подбрасывая вверхъ мечи, неистово кричали.

Костеръ все еще горѣлъ. Изъ-за облаковъ дыма, изъ свѣтлыхъ языковъ пламени все еще видны были два почернѣвшія тѣла, изъ которыхъ одно сидѣло, другое лежало у его ногъ. Наконецъ нижнія колоды начали ломиться. Обугленные трупы рухнули въ огненную бездну. Пѣсни притихли, души покойниковъ вознеслись къ небу. Сыновья и дочери покойныхъ продолжали бросать въ огонь все, что было у нихъ дорогаго, что могло пригодиться на томъ свѣтѣ ихъ отцу: оружіе, куски металла, камни.

Между тѣмъ служанки наполняли миски, корыта и горшки кушаньемъ для живыхъ и умершихъ, могильною жертвою для духовъ.

Костеръ, все уменьшаясь, превратился въ грудѣ черныхъ углей и пепла. Мужчины подбирали разбросанные по сторонамъ куски дерева и углей, дожидаясь когда священный огонь самъ погаснетъ. Солнце клонилось уже къ закату, когда сгорѣли остатки костра; оставшіеся красноватые угли были залиты водою, принесенною изъ священнаго источника.

Только теперь къ костру подошли женщины, неся глиняный зольникъ, чтобы положить въ него негорѣвшіе остатки костей, угля и всего, что, вмѣстѣ съ покойникомъ истребленное огнемъ, съ нимъ же перешло на тотъ свѣтъ.

Печальное шествіе: мужчины, женщины и дѣти, неся зольникъ, горшки и мисы, направились къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось насыпать могилу Вишу, около могилъ его отцовъ и братьевъ. По срединѣ поставили зольникъ съ пепломъ и накрыли его крышкою. Около него разставили горшки и мисы съ кутьею. Сыновья и дочери Виша, каждый изъ его работниковъ, — всѣ спѣшили принять участіе въ работѣ сооруженія его могилы. Подъ звуки пѣсенъ и стоновъ принялись они сыпать могилу.

Женщины усѣлись вокругъ могилы, плача и напѣвая заунывные пѣсни. Теперь пѣсни были болѣе спокойныя — духъ Виша улетѣлъ. Могила была насыпана. Ночь покрыла своимъ мрачнымъ покровомъ и могилу Виша, и окружающихъ ее и черный, уныло шумѣвшій лѣсъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ костеръ, мужчины развели огонь и началась трезна.

Сосѣдей собралось много. Дѣти Виша угощали всѣхъ, со всѣми пили медъ и пиво. Большія бочки пива и меда стояли у огня, къ нимъ подходили всѣ, гости и рабочіе, утолить жажду. Около мисокъ и корытъ, наполненныхъ кушаньемъ, сидѣли мужчины, отдѣльно отъ нихъ, немного подалѣе, разсѣлись женщины.

Вдругъ раздались звуки гуслей и говоръ умолкъ: только вѣтеръ ходилъ по лѣсу и вторилъ пѣснѣ Слована. Слованъ пѣлъ:

— Домъ твой опустѣлъ, одинокій стоитъ въ лѣсу. У дѣтей твоихъ нѣтъ болѣе отца. Ты, старикъ, отошелъ къ своимъ отцамъ пить бѣлый медъ и пировать. Старый воинъ... воинъ старый... Волосы твои, какъ снѣгъ были бѣлы; но молоды руки твои. Кто же сосчитаетъ, кто воспоетъ, что оставилъ ты на землѣ... Сколько звѣрей пало отъ руки твоей; сколько бортей, сколько ульевъ ты воспиталъ, взлелѣвалъ; сколькихъ враговъ убилъ ты, сколькимъ несчастнымъ далъ пищу. Вишъ старый, сынъ Збоа, не вернуться тебѣ болѣе на нашу землю. Землею мы тебя засыпали, пепелъ твой облили слезами. Съ тобою пошла вѣрная жена, конь твой милый, рогъ твой звучный. Вишъ мой старый, сынъ Збоа, не вернуться тебѣ болѣе. Летать будешь по ясному небу, молотомъ бить будешь нѣмецкихъ духовъ. Костеръ зажегъ тебѣ большой... О Лада! Лада! Лада!...

Всѣ повторили за пѣвцомъ: Лада! И громкій крикъ разнесся по полямъ, по лѣсу и по всей окрестности. Людекъ, держа въ рукахъ чарку съ медомъ, запѣлъ печально:

— Отецъ добрый... Вишь воинъ и господинъ нашъ, мы отомстимъ за твою кровь. Кровью за кровь расплатятся они; жизнь за жизнь отдать должны! Кровь за кровь!

Всѣ мужчины, родственники Виша, подымая руки, громкимъ голосомъ крикнули:

— Кровь за кровь!

Подлѣ Людека стоялъ только-что прибывшій Доманъ; онъ крикнулъ, громко одинъ:

— Кровь за кровь!

Всѣ повернули къ нему головы. Онъ стоялъ съ опущенною на грудь головою, онъ плакалъ, точно родного отца потерялъ, и говорилъ полу-иѣснею, полу-словомъ:

— Вишь старшій пусть радуется... Быть тому, чего онъ хотѣлъ... быть тому, что онъ повелѣлъ... Несутся войны, ѣдутъ войны... И старшины ужъ созданы... Въ городѣ страхъ большой... Блѣдный Хвостекъ собираетъ своихъ рабовъ. Пойдемъ на вѣче, понесемъ окровавленное платье, положимъ его передъ старшинами, и будемъ молить о мести...

Ему вторили, повторяя каждое его слово и поднимая чарки съ медомъ всѣ въблизи его находившіеся мужчины. Молодежь не могла удержаться, чтобъ не проклинать Хвостка и всѣхъ его рабовъ, обращая въ сторону Топла сжатые кулаки.

По мѣрѣ того, какъ бочки опорожнялись, увеличивался говоръ и шумъ; старики начали рассказы объ умершемъ: какъ онъ среди войны и труда провелъ свои молодые годы, какъ онъ любилъ своихъ, какъ всѣ его любили, какъ онъ гости считалъ неприкосновеннымъ, святымъ... А между тѣмъ чарки съ медомъ переходили изъ рукъ въ руки, жажда мести увеличивалась съ каждою минутою.

Женщины сидѣли въ сторонѣ и тоже пѣли тихимъ голосомъ.

Поминающіе оставались на полянѣ цѣлую ночь, весь слѣдующій день и слѣдующую ночь; тризна кончилась только на третій день. Молодежь бросала мечи и копья, бѣгала и скакала верхомъ, стараясь обогнать другъ друга, пробовала свои силы, стараясь пересилить одинъ другого въ рукопашномъ бою. Все это продолжалось до тѣхъ поръ пока въ бочкахъ былъ медъ, а утомленіе не изнурило мужчинъ; женщины, сидя, дремали. Тогда только начали расходиться по домамъ, прощаясь съ могилою умершаго и украшая ее зелеными вѣтвями.

Доманъ пробылъ до самого конца; когда сыновья Виша оставляли поляну, онъ пошелъ съ ними, провожая ихъ до дому.

На пути онъ остановилъ ихъ.

— Послушай, Людекъ, обратился онъ къ старшему, — не знаю, слѣдуетъ ли теперь говорить объ одномъ важномъ дѣлѣ, или нѣтъ... но мнѣ необходимо вынуть изъ сердца, что я въ немъ ношу, и показать вамъ. Сядемъ здѣсь и поговоримъ.

Они сѣли подъ дубомъ; Доманъ пожалъ руки обоимъ братьямъ и сказалъ:

— Я всегда хочу быть съ вами; я желаю быть вашимъ братомъ, будьте же и вы мнѣ братьями.

— Согласенъ! отвѣтилъ Людекъ, наслѣдовавшій отъ отца его спокойный и твердый характеръ и мужество; онъ говорилъ рѣдко и мало, но разъ рѣшившись на что-нибудь сдерживалъ свое слово, хотя бы пришлось заплатить кровью.

— Что же вы думаете теперь дѣлать? Смерть отца необходимо отомстить; иначе нельзя. Смерда убилъ его... но Смерда не главный виновникъ, онъ дѣйствовалъ такъ не по своей волѣ. Что же вы думаете дѣлать?

— Ты давеча хорошо сказалъ, отвѣтилъ Людекъ за себя и за брата, подумавъ немного, — понесемъ на вѣче окровавленное платье и отцову рубаху, покажемъ ихъ старшинамъ и скажемъ: за васъ и ваше дѣло Вишъ положилъ свою голову, за вѣче; пусть же вѣче приказываетъ какъ отомстить смерть нашего отца...

Онъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Да, отвѣчалъ Доманъ, — пусть старшины постановятъ, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, а если не хватить вамъ рукъ, чтобы достойно смыть нанесенную обиду, мои руки всегда готовы вамъ помочь.

Глаза Домана горѣли, видно было, что не на этомъ онъ хотѣлъ остановиться; онъ поднималъ глаза, но сейчасъ же снова опустил ихъ.

— Я хочу быть вашимъ братомъ... братомъ вашимъ, добавилъ онъ.

— Мы твои братья! въ одинъ голосъ отвѣчали оба сыновья Виша и пожали руку Домана.

— Не выбралъ я времени просить стараго Виша, сказалъ Доманъ, — такъ вамъ скажу... Я хочу взять вашу сестру.

Наступила минута тягостнаго для всѣхъ молчанія. По тогдашнему обычаю сестры выходили замужъ по старшинству. Не спрашивая Домана, оба брата догадались, что онъ думалъ о Дивѣ. Людекъ опустил голову.

— Братъ, Доманъ, проговорилъ онъ съ трудомъ, — Дива не хочетъ идти замужъ. Это не новость. Она уже давно пожертвовала собою богамъ. Она не для дѣтей, не для прялки, не за горшками смотрѣть ей... Священный огонь, священный ключъ, пѣсни и ворожба — вотъ чѣмъ будетъ заниматься Дива. Въ жены она тебѣ не годится. Отдалъ бы я ее тебѣ охотно, но какъ же мнѣ идти противъ ея воли?

Послѣдовало молчаніе; Доманъ, опустивъ голову на грудь, нетерпѣливо рвалъ руками свою бороду.

— О! сказалъ онъ, — развѣ это рѣдко случается, что пока она въ дѣвкахъ, въ головѣ ея зарождаются разныя думы, а возьметъ ее кто-нибудь въ жены, она все забудетъ. Дива пришлась мнѣ по душѣ; мнѣ нравится въ ней и краса ея и характеръ. У меня всего вдоволь, сдѣлаю ее княгиней, развѣ птичьего молока только не будетъ у нея...

Людекъ отрицательно махнулъ головою...

— Чѣмъ же я могу помочь? сказалъ онъ. — Съ богами и духами спорить я не въ силахъ. Младшую сестру, если захочешь, могу отдать тебѣ.

Она не хуже Дивы, тоже красавица. Хотя бы она и не рада была, возьмишь ее.

Онъ посмотрѣлъ на Домана. Доманъ сорвалъ зеленый листъ, приложилъ его къ губамъ и, глядя куда-то въ даль, молчалъ; когда листъ упалъ съ его губъ, онъ сказалъ:

— Если бы ты приказалъ дѣвкѣ, она должна бы тебя послушаться; ты теперь хозяинъ, что прикажешь, то и должно свершиться. Да, каждая дѣвка думаетъ, что будетъ служить богамъ и духамъ; но развѣ слѣдуетъ слушать ихъ?

— Я не властенъ приказать Дивѣ, сказалъ Людекъ.

Лицо Домана налилось кровью, глаза горѣли и онъ тяжело дышалъ.

— Э! крикнулъ онъ. — Вотъ каково твое братское чувство! Диву не хочешь отдать потому, что отъ другого кого-нибудь ждешь большого выкупа.

— Доманъ, братъ... Я не хочу никакого выкупа. Я правду истинную говорю.

— Хочешь, чтобы я сталъ вамъ братомъ, чтобы и я съ вами поклялся мстить Хвостку, такъ отдай мнѣ сестру, повторилъ Доманъ.

— Младшую отдамъ...

— Я старшую хочу, или ни одной.

— Не могу! спокойно, но твердо отвѣчалъ Людекъ.

Доманъ привсталъ, сорвалъ зеленый листъ и, по привычкѣ, приложилъ его къ губамъ. Постоявъ немного, онъ отошелъ въ сторону.

— Отецъ твой навѣрное отдалъ бы мнѣ ее! вскричалъ онъ гнѣвно.

— Никогда...

— Хочешь имѣть меня на своей сторонѣ, отдашь Диву, иначе...

Людекъ вздрогнулъ; Доманъ началъ уже выводить его изъ терѣвня.

— Такъ и не надо! крикнулъ онъ.

— Значитъ ты хочешь видѣть во мнѣ не брата, а врага? сказалъ Доманъ.

— Подкупить тебя я не могу, значитъ принужденъ буду обойтись безъ тебя, отвѣчалъ Людекъ равнодушно.

Доманъ задрожалъ отъ злости.

— Эй, Людекъ, братъ! Не хорошо ты дѣлаешь, говорю тебѣ. Ради дѣвки ты не хочешь утѣшить отца въ могилѣ вражескою кровью. Эй, эй!...

— Я уже сказалъ, отвѣчалъ Людекъ, — не могу...

— Тебѣ теперь друзья нужны, а ты самъ дѣлаешь себѣ недруговъ! злобно смѣясь говорилъ Доманъ; — у тебя ума, какъ я вижу, нѣтъ.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Людекъ, стараясь не дать воли вспыхнувшему въ немъ гнѣву, еще разъ замѣтилъ:

— Не могу!

Доманъ собирался уйти.

— Не хотите по доброму согласію отдать, крикнулъ онъ, — такъ я ее не сегодня завтра — возьму силою.

— А мы силою же будемъ защищать ее!...

— А, посмотримъ!

— И мы посмотримъ!

При послѣднихъ словахъ они отошли другъ отъ друга, презрительно глядя одинъ на другого. Они не пожали руки другъ другу. Младшій братъ стоялъ за Людекомъ, который замѣнялъ ему теперь отца.

Доманъ надвинулъ шапку на глаза и ушелъ отъ нихъ. Его лошади стояли недалеко отъ поляны и могилъ. Черезъ нѣсколько времени раздался лошадиный топотъ вдали... Доманъ уѣхалъ.

Людекъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ надеждѣ, что Доманъ вернется. Услышавъ топотъ и онъ двинулся въ путь. Въ лѣсу раздавались звуки ломающихся вѣтвей и лай собакъ. Доманъ съ каждою минутою удалялся все болѣе отъ нихъ.

На обратномъ пути домой Людекъ и его братъ встрѣчали своихъ людей, которые, напѣвая пѣсни, возвращались въ село. Тризна и пиръ изнурили ихъ больше, чѣмъ могло бы изнурить сраженіе.

На слѣдующій день въ Виневоѣ избѣ и на селѣ пошла обычная жизнь. Женщины суетились у огня, Дива за прялкою сидѣла у окна, служанки вертѣли жернова. Движеніе было даже больше обыкновеннаго, потому что похороны оставили свой слѣдъ на каждомъ шагу. Старухи Яги, которая всегда управляла хозяйствомъ—не было. Ея мѣсто заняли теперь жена Людека: она надъ женщинами, мужъ—надо всѣми имѣли теперь полную власть.

Вечеромъ на крыльцѣ сидѣли двѣ сестры, Дива и Живя; обнявшись, онѣ пѣли печальныя пѣсни, глядя куда-то въ даль задумчивыми глазами. Людекъ подошелъ къ нимъ. Какъ только сестры завидѣли брата онѣ привстали передъ нимъ, какъ передъ хозяиномъ. Онъ остановился передъ ними. Дива подошла къ нему.

— Скажи, на милость, зачѣмъ это ты обворожила Домана? спросилъ онъ.

— Я? краснѣя спросила красавица, — я и ворожбы не знаю и ворожить не умѣю, да и Домана звать не хочу.

— Онъ изъ за тебя сталъ нашимъ врагомъ, сказалъ Людекъ.—Онъ хочетъ взять тебя у насъ... Угрожаетъ намъ...

— Я дала обѣтъ служить богамъ, спокойно пояснила Дива.

— Онъ знаетъ объ этомъ, но слушать не хочетъ.

— Чѣмъ же я виновата?

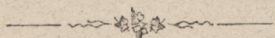
— Эй, Дива! сказалъ братъ, — лучше бы тебѣ выйти за него, у насъ былъ бы братъ, а такъ врага мы себѣ въ немъ наживемъ.

Дива встряхнула головою, слезы закапали изъ ея глазъ; она взглянула на брата и обратилась къ нему съ печальною улыбкою:

— Не заставляй меня, умоляла она тихимъ голосомъ,—нарушить клятву... Оставь Диву въ покоѣ. Я буду прядь пряжу, носить воду, пѣть пѣсни.

Сказавъ это, она поклонилась въ ноги Людеку. Живя, не говоря ни слова, подошла къ брату, тоже поклонилась ему въ ноги, обняла его колѣни и тоже стала просить, чтобы онъ не неволилъ Диву выходить замужъ.

Людекъ опустил на грудь голову и молча ушелъ. Сестры остались одни на крыльцѣ.

ГЛАВА X.

устой, непроходимый лѣсъ окружалъ со всѣхъ сторонъ Змѣиное урочище, какъ бы забытое съ поконъ вѣковъ: ни одна тропинка не вела къ нему отъ лѣсныхъ окраинъ. Почти непроходимыя тряскія болота дѣлали его недоступнымъ для человѣка. Только съ одной стороны узенькая полоса твердой земли позволяла добраться до урочища.

Въ давно минувшія времена, когда разные народы безпрестанно мѣняли мѣсто своего пребыванія здѣсь, по всей вѣроятности, были ихъ первыя становища на незнакомой имъ землѣ. Здѣсь, въ память этого событія, всегда собирались старшины для совѣщаній. Урочище было опоясано, теперь уже на половину разрушеннымъ, покрытымъ густою травою, землянымъ валомъ. Въ самой серединѣ стояла, лишенная крыши, ветхая хижина, стѣны которой наклонялись въ разныя стороны. Около нея лежалъ, на землѣ, опоясывающій ее когда-то, а теперь полусгнившій заборъ. Кромѣ этого остатка почернѣвшаго и разрушеннаго сарая или хижины, на полянѣ не было ничего, ни деревьевъ, ни камней; жалкая трава, кое-гдѣ нѣсколько хилыхъ цвѣтовъ и старыя норы землероекъ. Окрестность, какъ и самое урочище, имѣла какой-то строгій, печальный видъ. Угрюмый, черный лѣсъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. Немного въ сторонѣ небольшое, заросшее камышомъ озеро принимало въ себя грязную рѣчку, протекавшую по болотамъ. Заунывные голоса чаекъ заглушали пѣніе лѣсныхъ птичекъ. Пернатые жители лѣса подымались съ безпокойствомъ цѣлыми стадами и кружились надъ верхушками деревьевъ, какъ бы отгоняя отъ своихъ гнѣздъ непрошенныхъ гостей.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ урочище соприкасалось съ твердою землею, старый лѣсъ защищалъ его отъ любопытныхъ посѣтителей.

Сказано—сдѣлано. Кметы рѣшили созвать вѣче наканунѣ праздника Купалы. Многіе изъ кметовъ и жупановъ знали уже, какая участь постигла стараго Виша за то, что онъ первый задумалъ созвать вѣче. Смерть старика напугала немногихъ, многихъ раздражила, а всѣхъ заставила призадуматься надъ своей судьбою.

Къ Змѣиному урочищу можно было пробраться только со стороны лѣса. а кому необходимо было пройти по этой единственной тропѣ, тотъ долженъ

былъ проходить мимо стараго дуба, на половину сгнившаго, съ засохшими вѣтвями, кое-гдѣ покрытаго зелеными листьями.. Дубъ этотъ, равно какъ и урочище, считался священнымъ: оба были посвящены богамъ или духамъ матери земли. У его подножія лежали груды ветхихъ и грязныхъ кусковъ полотна и сукна, съ которыми окрестные жители складывали у ногъ великана-дуба свои недуги и болѣзни.

Небольшой ключъ, бьющій вблизи, служилъ больнымъ для обмыванія болѣзни, полотно и сукно для обтиранія больного мѣста. Эти куски бросались больными подъ старыи дубъ въ глубокомъ убѣжденіи, что съ ними вмѣстѣ уходятъ и болѣзни. Чтобы избавиться отъ недуга, нужно было посвятить его въ жертву богамъ. Стояли здѣсь также горшки и миски, наполненные покрытыми плѣсенью какими-то веществами, куски янтаря, шнурокъ, смотанный въ странные узлы, -- и все это было покрыто опавшей, полусгнившею, пропитанною влагою листвою.

Почти у самой верхушки въ стволѣ дуба видно было большое дупло, какъ бы созданное для того, чтобы пчелы могли основать въ немъ свое царство. Но дупло пугало пчелъ своею сыростью и не заселялось: черная его пастъ зіяла какъ-то страшно.

Зеленый мохъ, желтые паразиты, даже блѣдныя травы окружали дупло, украшая его точно бархатною каймою.

Еще дневной свѣтъ не успѣлъ разсѣять мрака ночи, когда въ сосѣдней гущѣ послышался какой-то шорохъ. Что-то чрезвычайно осторожно проскользнуло въ высокой травѣ, присѣло, прислушалось внимательно; когда же это что-то убѣдилось, что въ лѣсу и на полянѣ господствовала полная тишина, изъ травы поднялся маленькій человѣчекъ, въ сермягѣ, съ коротко остриженными волосами. Человѣкъ этотъ наострилъ уши, открылъ ротъ и еще разъ прислушался ко всеѣмъ звукамъ, раздающимся въ лѣсу. Затѣмъ онъ обхватилъ дубъ обѣими руками, и, съ ловкостью дикаго звѣря, поднялся по стволу. Онъ иногда останавливался, оглядывался по сторонамъ и снова лѣзъ выше. Это былъ Зносекъ.

Не смотря на шероховатую поверхность дуба Зносекъ не могъ быстро карабкаться по его стволу. Онъ нѣсколько разъ скользилъ внизъ и только благодаря своимъ ногтямъ, которыя вдавливались въ кору, не упалъ на землю. Это его нисколько не смущало и онъ съ удвоенной энергіею снова карабкался вверхъ.

Зносекъ былъ ужъ почти у самаго дупла, когда ему показалось, что послышался какой-то шорохъ во внутренности дупла. Оттуда выглянула сѣрая голова звѣря: длинныя усы, бѣлыя зубы, взъерошенная шерсть, желтые глаза дѣлали эту голову похожею на голову кошки... Звѣрь, замѣтивъ Зносека, грозно фыркнулъ, щелкнулъ челюстями и въ одинъ мигъ бросился ему на голову.

Визгъ и стонъ раздались въ одно время, звѣрь и человѣкъ упали на землю: трудно было отличить звѣря отъ человѣка; оба они образовали одинъ движущійся клубокъ. Звѣрь обнималъ человѣка, руки Зносека давили горло

обитателя черного дупла. Кровь обильною струею потекла изъ этого клубка — двѣ человѣческія руки погрузились въ шерсть звѣря, сжали его за горло; пасть разверзлась, кровью залились желтые глаза звѣря, тѣло его судорожно вздрагивало.

Зносекъ поднялся съ земли, обтирая окровавленное лицо рукою: лицо его было все исцарапано, голова носила слѣды острыхъ зубовъ дикаго звѣря. Онъ вздохнулъ, плюнулъ, провелъ рукою по своему израненному черепу, затѣмъ наклонился, поднялъ мертваго звѣря и нѣсколько разъ ударилъ имъ по дубовому стволу. Зносекъ опоясался своею добычею и снова оглядывался по сторонамъ, обтирая лицо рукавомъ. Израненная голова и искалѣченные руки не удержали Зносека отъ новой попытки добраться до дупла. Борьба съ дикимъ звѣремъ еще болѣе раздражила его; онъ снова началъ карабкаться вверхъ по стволу, неся съ собою задавленнаго врага. Послѣ долгихъ усилій ему удалось наконецъ ухватиться руками за край зіяющей ямы, онъ всунулъ въ нее обѣ руки, приподнялся и всѣмъ тѣломъ повисъ надъ ея отверстиемъ. Зносекъ посмотрѣлъ въ нее, убѣдился, что никакой новой бѣды съ нимъ не случится и, опустившись въ дупло, исчезъ въ немъ... Послышался шорохъ листьевъ на днѣ дупла; Зносекъ устроивалъ себѣ сидѣнье. Черезъ нѣсколько времени изъ дупла выглянула голова, рядомъ съ нею показались двѣ руки... Зносекъ открылъ свой широкій ротъ, показывая два ряда большихъ, бѣлыхъ зубовъ. Онъ стоналъ отъ боли, но въ тоже время смѣялся отъ радости, что ему удалось задуманное дѣло.

Въ лѣсу раздался шорохъ. Внимательно прислушиваясь, Зносекъ убѣдился, что шорохъ этотъ какъ будто приближается къ нему. Онъ началъ царапать кору ногтями. Черезъ нѣсколько минутъ въ сдѣланномъ такимъ образомъ отверстіи показался глазъ Зносека, который рядомъ съ первымъ выцарапалъ второе отверстие и теперь оба его глаза, никѣмъ не видимые, могли осматривать дорогу, ведущую къ дубу и урочищу. Укрываясь въ дуплѣ, онъ могъ пересчитать всѣхъ идущихъ мимо дуба на урочище и разглядѣть лицо каждаго изъ нихъ.

Зносекъ вытаращилъ глаза въ сторону лѣса, откуда ожидалъ пріѣзда людей. Дѣйствительно, вскорѣ вѣтви раздвинулись и изъ лѣса, прямо напротивъ Зносека, выѣхалъ всадникъ, котораго сопровождали еще нѣсколько человѣкъ верхомъ. Онъ сидѣлъ на бѣлой, красивой лошади съ длинною гривой; лошадь была покрыта кожей и медленно подвигалась впередъ. Всадникъ, видно, далъ ей волю. Онъ задумался о чемъ-то; казалось, онъ пристально вглядывался во все окружающее, но также не трудно было замѣтить, что онъ ничего не видѣлъ, погруженный въ свои думы... Это былъ мужчина высокаго роста, съ длинною сѣдою бородою. Длинные волосы падали ему на плечи изъ подъ колпака, сдѣланнаго изъ медвѣжьей пасти, зубы которой торчали надъ его лбомъ. Медвѣжьи челюсти и зубы, казалось, угрожали смертью каждому, кто подумалъ бы приблизиться къ нимъ. Въ правой рукѣ всадникъ держалъ длинную, точно бѣлою лентою обвитую палку, на концѣ которой веревкою былъ привязанъ каменный топорикъ.

Яруха протянула свою костлявую руку къ Дивѣ (стр. 126).

На груди у него одѣтъ былъ панцырь, состоящій изъ нѣсколькихъ мѣдныхъ обручей, которые защищали грудь отъ вражескаго удара. Слѣдовавшіе за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи всадники, по всей вѣроятности, были его слуги; они слѣдили за каждымъ движеніемъ своего господина, ожидая его приказаній. Одинъ только изъ спутниковъ стараго воина ѣхалъ рядомъ съ нимъ. Это былъ молодой мужчина, вооруженный такъ же, какъ и старикъ.

Когда они подъѣхали къ дубу, старикъ остановилъ лошадь и, замѣтивъ, что урочище еще пусто, проговорилъ:

— Никого еще!

— Никого! повторилъ, всматриваясь въ даль, молодой воинъ.

— Что-жь, неужели они перепугались и не поѣхали на сборъ? Можетъ ли это быть? Нѣтъ даже и тѣхъ, которые сзывали насъ; имъ бы первымъ слѣдовало быть здѣсь.

Старикъ соскочилъ съ лошади.

— Возьмите лошадей, обрѣтился онъ къ слугамъ, — станьте здѣсь по близости и дожидайтесь! Ты, Мрочекъ, обратился онъ къ своему молодому спутнику, — пойдешь со мною; прислушивайся, гляди въ оба и учись.

Молодой, ничего не отвѣчая, наклонилъ голову въ знакъ покорности. Въ эту минуту съ противоположной стороны подъѣхалъ Доманъ съ двумя работниками. Онъ тоже соскочилъ съ лошади у стараго дуба, передалъ ее слугамъ и подбѣжалъ къ старикъ.

— Поздравляю тебя съ днемъ нашего вѣча, проговорилъ онъ.

— Съ вѣчемъ, лишь бы счастливымъ, отвѣчалъ старикъ. — А гдѣ же Вишь?

Доманъ поднялъ вверхъ обѣ руки и указалъ старику на лазурное небо.

— Мы сожгли его тѣло, плакальщицы уже оплакали его, теперь онъ пьетъ съ предками бѣлый медъ.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Умеръ? спросилъ онъ.

— Убили его, отвѣчалъ Доманъ; — убили княжескіе слуги, которые напали на его хижину.

Старикъ опустилъ голову. Но вскорѣ поднялъ ее: въ глазахъ у него свѣтился гнѣвъ.

— Будемъ же думать о нашихъ головахъ, сказалъ онъ; — что съ нимъ случилось вчера, съ нами можетъ случиться завтра!

Тѣмъ временемъ съ разныхъ сторонъ изъ лѣса показывались на полянѣ всадники. Кметы собирались на вѣче. А между тѣмъ въ дуплѣ пара зоркихъ глазъ слѣдила за прибывающими кметами; Звѣсекъ очень удобно могъ слышать все, что они говорили, такъ какъ разговоры велись у самаго дуба.

Прибывающіе поздравляли другъ друга съ вѣчевымъ днемъ, но лица ихъ были печальны. Число ихъ увеличивалось съ каждою минутою: изъ трехъ вскорѣ стало ихъ десять, а тамъ сорокъ, наконецъ собралось за сотню. Всѣ стояли еще подъ дубомъ, никто изъ нихъ не вошелъ на городище. Тѣмъ временемъ прибылъ Людекъ, сынъ Виша. Соскочивъ съ лошади Лю-

декъ поздравилъ собравшихся съ предстоящимъ вѣчемъ и бросилъ среди нихъ, не произнеся ни одного слова, окровавленное отцово платье и рубаху. Едва показалъ онъ старшинамъ окровавленное платье, руки у всѣхъ задрожали, на челахъ показались глубокія морщины—нѣмые свидѣтели внутренняго негодованія и желанія мести; кулаки сжимались.

Затѣмъ раздались глухіе голоса, заявлялось требованіе мести. По немногу, все увеличиваясь, неясный гулъ смѣнился громкими криками, среди которыхъ чаще другихъ повторялся призывъ къ мести. Доманъ молчалъ все время: онъ отошелъ въ сторону и не произнесъ ни одного слова. Старшины одинъ за другимъ перешли въ городище. Людекъ поднялъ съ земли Вишеву одежду, перебросилъ ее черезъ плечо и отправился за другими. Во главѣ шли сѣдовласые старики. Они заняли первыя мѣста подъ полусгнившими балками ветхаго сарая. Рядомъ съ ними сѣли на землѣ, складывая передъ собою оружіе, и всѣ другіе кметы, собравшіеся на зовъ покойнаго разсудить о своей судьбѣ. Стали подѣлывать запоздавшие, но многихъ еще не было. Разсѣвшись на землѣ широкимъ кругомъ, всѣ сѣдѣли молча... У иныхъ какъ-то странно блестѣли глаза.

— Нѣтъ ужъ болѣе того, который созвалъ насъ сюда, первымъ началъ старикъ Бонмиръ,—но духъ его говоритъ каждому изъ насъ, зачѣмъ собрались мы здѣсь. Намъ нуженъ совѣтъ, общій, дружный совѣтъ какъ намъ быть и что дѣлать, чтобы сохранить древніе, полянскіе обычаи, чтобы насъ не превратили въ нѣмцевъ и невольниковъ, въ княжескихъ рабовъ. Вездѣ, гдѣ жива рѣчь наша, наше слово, у лужичей, дулебовъ, вильчей, хорватовъ, сырбовъ—вплоть до Дуная и за Дунаемъ, до самаго синяго моря,—князья приказываютъ на войнѣ, но дома, въ мирное время, народъ выбираетъ старшинъ, управляетъ, судитъ и одѣляетъ землю. Народъ назначаетъ старость и тысячныхъ, народъ печется о своей безопасности и порядкѣ... Хвостекъ вздумалъ заключить съ нѣмцами союзъ, изъ своего столба ему хочется повелѣвать нами,—нами, которые сами избрали его родъ для того только, чтобы онъ защищалъ насъ отъ врага. Виша убили именно за то, что онъ осмѣлился созывать вѣче!

Глухіе стоны огласили воздухъ, по всему собранію пробѣжалъ гулъ. Старики покачали головами.

Наконецъ, на правой сторонѣ всталъ черноволосый мужчина. До сихъ поръ онъ держалъ глаза опущенными внизъ, но теперь поднялъ ихъ, окинулъ ими собраніе, какъ бы розыскивая въ немъ своихъ союзниковъ.

— Безъ князей, сказалъ онъ,—намъ не обойтись; порядка не будетъ... Нападутъ нѣмцы на наши земли, а можетъ статься, и поморцы и вильчи, когда имъ голодно да холодно покажется у себя дома... а кто будетъ тогда защищать, кто станетъ приказывать, кто поведетъ дружину? Князь ли, король ли—зовите какъ хотите—нуженъ намъ... а подъ нимъ мы, хоть и равны ему, жушаны, кметы и владыки; а тамъ простой народъ... и наши невольники... Князь долженъ быть.

Въ собраніи раздалось нѣсколько недовольныхъ голосовъ, но ораторъ продолжалъ:

— Намъ какое дѣло, что онъ съ нѣмцами дружить, если этой дружбой онъ добьется мира.

Послышались недовольные голоса и, наконецъ совсѣмъ заглушили слова оратора. Но, видно сторонниковъ у того было не мало: слышались и одобрительные возгласы.

— Князь долженъ быть, говоришь ты, крикнулъ Боимиръ,—пусть онъ и будетъ! Не въ этомъ дѣло. Никто не спорить, онъ нуженъ. Иначе мы не сумѣли бы защититься отъ нѣмцевъ. Они нападаютъ на насъ съ мечемъ въ рукахъ, съ угрозами и подкупами; оружіе у нихъ желѣзное и сила не малая. У нихъ есть князья, которые умѣютъ вести своихъ воиновъ, какъ работникъ водить воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Не устоять намъ однимъ противъ нихъ. Князя намъ нужны! Пусть ихъ будутъ! Но не Хвостки нужны намъ, не ихъ Попелевый родъ, который успѣлъ забыть, кто они такіе и чѣмъ намъ обязаны.

— Не надо Хвоста! кричали одни. Но были и недовольные словами Боимира. Многіе встали и глядя другъ другу въ глаза, казалось, готовы были сильно доказать правоту своихъ убѣжденій. Теперь уже не трудно было сосчитать кто былъ за Хвоста, кто противъ него.

— Долой Хвостка! кричали одни.—Прочь его!

Ихъ противники поднимали шумъ съ цѣлью заглушить эти крики.

За Боимиромъ сидѣли родъ Мѣшковъ, которыхъ ихъ знакомые звали Мышами и Мышками, потому что они сильно расплодились и считали очень много мужчинъ въ своемъ родѣ. Они всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Долой его, долой Хвостка! Не о чемъ намъ разговаривать, кричали они;—нужно прежде всего отправиться къ столбу и истребить этихъ гадовъ!

— Кричать не трудно, отвѣчалъ одинъ изъ кметовъ,—но не такъ легко отдѣлаться отъ нихъ. Мы позволили Попелямъ разсѣсться удобно, расплодиться, вооружиться, снюхаться съ нѣмцами, тайкомъ брать нѣмокъ себѣ въ жены. Стоитъ имъ только позвать и нѣмцы прибѣгутъ къ нимъ на помощь. А нѣмцы хуже Хвостка раззорять нашу землю, людей уведутъ съ собою и сдѣлаютъ насъ своими рабами. Лучше переносить мученія отъ руки своего, чѣмъ призывать чужого, который уничтожитъ наше племя, займетъ нашу землю, въ которой поконится прахъ отцовъ нашихъ. Вмѣсто того, чтобы нападать на Хвоста съ оружіемъ, лучше идти къ нему и въ глаза сказать ему все.

— Идти! Никто изъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нему не вернется! кричали Мышки;—всѣхъ, какъ собакъ, развѣшаютъ по стѣнамъ города. Нашихъ словъ онъ не станетъ слушать!

— Ну, а силы противъ него у насъ нѣтъ, отвѣчалъ Руданъ.

— Была бы воля, а силу найдемъ, замѣтилъ Пястъ.

Одни стояли за Пяста, другіе за Рудана. Большая часть кметовъ, однако, не зная что дѣлать, сидѣла молча, понутивъ головы.

— Что же дѣлать? спрашивали они другъ у друга.

— Переносить все до поры до времени, отвѣчалъ Руданъ, — не вѣки вѣчные будетъ жить Хвостекъ, а сыновья вѣрно будутъ лучше его.

— Да, объ этомъ нѣмцы позаботятся! добавилъ чей-то голосъ. И теперь ужъ приучаютъ ихъ истреблять своихъ, высылая ихъ охотиться за сырбами.

— Чего же ждать? спросилъ другой, — чтобы насъ всѣхъ по очереди перевѣшали и перерѣзали, какъ стараго Виша, а дѣтей нашихъ обращали въ своихъ слугъ и землю нашу Смердамъ роздали... такъ, что ли?

Каждый высказывалъ свое мнѣніе и нельзя было опредѣлить за то или за другое рѣшеніе высказывается большинство. Говоръ не умолкалъ ни на минуту. Мышки кричали: «долой Хвостка!» Руданъ и его друзья старались сдерживать порывы Мышкова.

— И знать не будемъ какъ нападутъ на насъ нѣмцы, поморяне и другіе, говорили они; — а они страшнѣе Хвоста. Услышатъ, что мы деремся между собою, что головы у насъ нѣтъ... ну, и нападутъ на насъ и землю опустошатъ. Давно уже они точатъ зубы на насъ! Мы люди спокойные, пашня да гусли — вотъ наше оружіе, а они кровью питаются и желѣзомъ воюють. Не трудно имъ побѣдить насъ. Они всѣ повинуются одной главѣ, а мы съ своимъ княземъ не можемъ жить въ ладахъ...

— Неправда, сказалъ Бонимиръ, — мы его избрали, слушались, кормили его, терпимъ его неправду... онъ и сошелъ съ ума... Не буду рассказывать, потому что вы всѣ знаете хорошо, какіе кровавые пиры задаетъ онъ въ городѣ, какъ онъ душитъ своихъ родныхъ; у многихъ кметовъ онъ отнялъ все ихъ достояніе, хаты, людей, женщинъ. Да. А куда же дѣвалось наша старая свобода? гдѣ наши древніе обычаи?

— Мышки потряхивали топорами въ воздухъ и кричали:

— Что тутъ толковать? Нападемъ на разбойничье гнѣздо и раззоримъ его...

— Пойдемъ! пойдемъ! кричали многіе.

Нѣкоторые поднимались со своихъ мѣстъ, выражая этимъ свою готовность хоть сейчасъ же отправиться въ походъ, но все-таки согласія не было: у князя было слишкомъ много сторонниковъ. Долго еще спорили на вѣчѣ; желающіе съ оружіемъ въ рукахъ напасть на Хвостка успѣли наконецъ переманить на свою сторону еще нѣсколькихъ кметовъ, бывшихъ на сторонѣ противной партіи. Мышки начали глазами считать своихъ, ихъ оказывалось большинство. Тогда друзья князя сочли нужнымъ держаться въ сторонѣ. Одинъ только Руданъ громко ратовалъ за Хвостка, но его сторонники притихли: они даже неохотно отвѣчали тѣмъ, которые подходили къ нимъ, желая ихъ убѣдить въ необходимости низверженія Хвоста. Въ общихъ преніяхъ княжескіе сторонники уже не принимали никакого участія...

Шумъ и говоръ не переставалъ ни на минуту. Сказать, что нужно идти съ оружіемъ противъ князя не трудно, но нужно было хорошенько обдумать всѣ послѣдствія такого шага. Нужно было обсудить когда отпра-

виться въ походъ, узнать кто въ немъ приметъ участіе.—Княжескій столбъ былъ сильно укрѣпленъ: вода съ одной стороны, а съ другой высокій валъ и частоколь дѣлали его почти недоступнымъ. Притомъ, въ городъ собрано было много людей, готовыхъ защищать княжеское гнѣздо. А нѣмцы? Князь могъ и нѣмцевъ призвать на помощь, а они съ радостью бросятся на кметовъ, и тогда, пожалуй, не останется въ живыхъ ни одинъ изъ Мышковъ и ихъ друзей!

Солнце поднялось высоко и клонилось къ закату: полдень давно уже прошелъ, а старшины все еще обсуждали какъ имъ быть и что дѣлать. Долго совѣщались они, много говорили противники и сторонники князя, языки у нихъ пересохли, а они все еще не пришли ни къ какому результату. Иногда спорящіе гурьбою бросались съ одной стороны поляны на другую, толпясь около старшинъ собиравшихъ голоса.

Неподалеку отъ городища челядь расположилась обозомъ: лошади щипали траву на лугу, у опушки лѣса. Молодые парни весело проводили время: смѣхъ и говоръ не переставали ни на минуту.

Пара зоркихъ глазъ между тѣмъ высматривала изъ отверстій стараго дуба, слѣдя за каждымъ движеніемъ собравшихся кметовъ. До ушей хитраго Зноски долетали голоса старшинъ.

Парни, сидящіе на лугу, отъ нечего дѣлать внимательно осматривали окрестную мѣстность. Вдругъ одинъ изъ нихъ, толкнувъ своего товарища локтемъ, замѣтилъ ему:

— Зырунъ! Посмотри на старый дубъ.

— Что же тамъ особеннаго? Дуло черное.

— Развѣ не видишь? Два глаза свѣтятся въ корѣ... точно глаза дикой кошки?!

— Не смотри на него! Этотъ дубъ священный... Кто знаетъ какой духъ сидитъ въ немъ и что можетъ сдѣлать взоръ его?

— Какой духъ! Это звѣрь или живой заколдованный человѣкъ... Духи днемъ не являются людямъ, объяснилъ первый.

Парни обратили глаза на дубъ... Большинство изъ нихъ не на шутку испугалось злого духа.

— Дубъ этотъ священный. Человѣкъ не осмѣлился бы забраться въ дуло.

— Нѣтъ, это звѣрь.

— Напугаемъ его! сказалъ первый парень.—Глаза все еще на мѣстѣ.

Я вижу ихъ.

Послѣ этихъ словъ онъ схватилъ лукъ, прицѣлился и стрѣла съ визгомъ пронзила воздухъ. Стрѣла ударилась съ большою силою въ то мѣсто, гдѣ свѣтился глазъ, поколебалась и исчезла. Въ мѣстѣ съ нею скрылись и глаза. Парни притаили дыханіе...

— Одно изъ двухъ: звѣрь убить или раненъ! сказалъ Зырунъ.

— Хорошо бы кожу съ него содрать, замѣтилъ стрѣлявшій и пошелъ къ дубу.

— Посто́й, если ты его только рани́лъ, то онъ будетъ защищаться, сказалъ одинъ изъ его товарищей.

Ловкій стрѣлокъ принялъ во вниманіе это предостереженіе. Онъ схватилъ топоръ, привязалъ его къ кушаку и подбѣжалъ къ дубу. Товарищи смотрѣли съ любопытствомъ, дожидаясь развязки. Съ ловкостью кошки паренъ началъ взбираться по стволу къ дуплу. Онъ, однакожъ, опасался сразу войти въ зіяющее отверстіе: онъ нѣсколько разъ прикладывалъ ухо къ стволу—не слышалось ни шороха, ни звука. Тогда паренъ ухватился обѣими руками за большую вѣтвь, торчащую надъ дупломъ и повисъ на ней, заглядывая въ дупло, но ничего онъ не видѣлъ, хотя все ближе и ближе наклонялъ къ дуплу голову.

Въ самомъ низу, накрывшись убитымъ звѣремъ, которому вложилъ въ глазъ стрѣлу, лежалъ хитрый Зносекъ, набросивъ на себя сухихъ листьевъ. Онъ рукою прижималъ глазъ, изъ котораго обильною струею текла кровь, такъ какъ стрѣла засѣла въ немъ чрезвычайно глубоко. Молодой паренъ въ увѣренности, что въ дуплѣ нѣтъ живого существа, всунулъ въ него руку. Немного погодя онъ вытащилъ дикую кошку, въ правомъ глазу которой торчала стрѣла. Онъ радостно вскрикнулъ и, потряхивая своею добычею, указалъ товарищамъ на плодъ своей ловкости... Парни не вѣрили своимъ глазамъ, они окружили дубъ со всѣхъ сторонъ. Ловкому охотнику и въ голову не пришло вторично засунуть руку въ дупло, гдѣ, затаивъ дыханіе, не шевелясь лежалъ полумертвый Зносекъ.

Съ дикою кошкою въ рукахъ, молодой паренъ сталъ спускаться по стволу и, добравшись до своихъ товарищей, бросилъ ее любопытнымъ, которые, передавая звѣря изъ рукъ въ руки, внимательно разсматривали его. Стрѣла такъ глубоко вонзилась въ глазъ кошки, что даже тотъ, который выпустилъ ее изъ лука, никакъ не могъ сообразить откуда явилась у него такая сила. Тѣло звѣря было совсѣмъ холодно, языкъ высунуть, пасть какъ бы силою разорванная. Все это было до того непонятно, что какой-то шутникъ началъ доказывать, что стрѣлокъ просто на просто попалъ въ мертваго уже звѣря.

Начался споръ и спорящіе подняли такой шумъ, что на нихъ невольно обратили вниманіе на городищѣ. Кметы посмотрѣли въ сторону дуба: парни издали показали имъ убитаго звѣря. Младшіе кметы прибѣжали къ нимъ съ разспросами, и одинъ изъ нихъ схвативъ кошку понесъ ее на городищѣ.

— Вотъ боги ворожбу учинили! вскричалъ онъ, кошка сидѣла въ дуплѣ, одинъ изъ парней увидѣвъ лишь одинъ глазъ ея, сбумѣлъ убить ее. Такъ точно и Хвостекъ сидитъ въ каменной ямѣ... и наша стрѣла попадетъ въ него! Боги предсказываютъ намъ побѣду. Долой Хвостка!

Сторонники Жышкова громче прежняго закричали:

— Лада! Коляда! Лада!

И съ радости начали бить въ ладони.

Другіе кметы молчали, не принимая никакого участія въ общемъ во-

сторгѣ. Изнуренные долгимъ совѣщаніемъ кметы выбились изъ силъ. Какъ разъ въ эту минуту на опушкѣ лѣса показалась высокая фигура стараго Слована, котораго велъ за руку мальчикъ, прямо по направленію къ городищу.

— Слованъ! Иди сюда! звали кметы.—Къ намъ съ пѣснями... по старинному обычаю...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ раздававшимся вдали отъ него призывамъ. По знакомымъ ему голосамъ онъ угадалъ, что приближается къ городищу. Всѣ обрадовались старику; его желтые отъ старости волосы ободрили многихъ; старикъ напомнилъ имъ собою давно минувшія времена и дѣянія.

— Будь здоровъ, старикъ Слованъ!

Слованъ молча приближался къ городищу, точно помня мѣстность и зная всѣ закоулки его; онъ прошелъ вдоль насыпи и, войдя на городище, сѣлъ на землѣ. Гусли покоились у него на колѣнахъ: старикъ задумался. Онъ не проговорилъ еще ни одного слова.

— Опоздалъ я, опоздалъ, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія какимъ-то заунывнымъ, пѣвучимъ голосомъ,—старыя ноги не служатъ уже какъ прежде, дороги стали для меня длиннѣе... а какое было бы у васъ вѣче безъ стараго пѣвца? а какой былъ бы у васъ совѣтъ, если бы вы не вспомнили какъ въ старину собирались, какъ въ старину совѣщались?... Орлы только летаютъ шибко по высямъ... а улитка ползетъ тихонько.

Старикъ ударилъ по струнамъ... Гусли зазвучали затрогивающими душу звуками... Всѣ молчали... Слованъ началъ пѣть:

— Когда не стало племени Леха, не стало... захотѣлось кметамъ свободы, захотѣлось... Захотѣлось имъ безкняжьей свободы. Избрали они двѣнадцать старшихъ... Кровь, вѣдь, это отъ нашей же крови, кость отъ нашей же кости... Родные наши братья земляки, пусть же они нами правятъ; пусть же заведутъ у насъ порядокъ... О, Лада! пускай землю сдѣлаютъ счастливою... О, Лада!

«Избрали ихъ, избрали двѣнадцать!... Радовались имъ, радовались не долго! Скоро братъ брату сталъ слугою. Не хотѣли одного, одного не хотѣли... двѣнадцать ихъ избрали и вотъ вамъ!... Двѣнадцать... о, Лада, о, Лада!..

«Одинъ радъ былъ что можетъ, что можетъ... пить сколько въ горло влѣзетъ, ой, влѣзетъ... А напившись ни во что не ставилъ своего народа... Другой собиралъ у себя въ избѣ все, что у другихъ отнималъ изо рта... Третій ѣздилъ и ѣздилъ по людямъ, высматривалъ гдѣ есть дѣвки, гдѣ есть дѣвки и бралъ у нихъ дочерей, точно медъ изъ бортей... О, Лада! о, Лада!..

«И такъ были они довольны своими двѣнадцатью вождями, что послали за море за поклономъ... Ой, послали ища воина, который одинъ княжилъ бы надъ ними... Кракъ, господинъ нашъ и князь, звали они, иди съ нами въ нашу землю и управляй ты нами. И согнали всѣхъ своихъ двѣнадцать... и у столба остался лишь одинъ!... И старшины стали снова кметами... И слушались одного Крака... О, Лада! о, Лада!..

Когда пѣсня кончилась, многіе посматривали на старика, недоумѣвая какое имѣла она значеніе.

— Такъ вотъ и ты, Слованъ, тоже полюбилъ Хвостка, проговорилъ одинъ изъ кметовъ, желая добиться какого нибудь объясненія.

— Полюбилъ? переспросилъ старикъ, наклоняя голову.

Струны снова зазвенѣли и Слованъ началъ пѣть тѣмъ же печальнымъ голосомъ.

— Сидитъ Хвостекъ у столба... И смотритъ онъ изъ своего столба во-кругъ себя... Хорошій князь!.. Гдѣ дымъ идетъ изъ свѣтлицы, гдѣ поля зеленѣютъ, гдѣ ржаты стада, гдѣ меду вдоволь видитъ его глазъ, а рука беретъ... Хорошій князь! Сидитъ Хвостекъ... издали смотритъ и прислушивается: кметы ли ропщутъ, собаки ли воютъ? Высылаетъ онъ дружину... Молчать, смирно! или веревка ждетъ недовольныхъ, да сухая вѣтвь... Хорошій князь!.. Господинъ онъ веселый, властелинъ онъ добрый... Радъ онъ гостямъ, созываетъ на пиръ... радъ угостить, и накормить, и напоить... Да такъ онъ всѣхъ ихъ накормитъ, что на вѣки вѣчные сыты будутъ... А слуги въ озеро отнесутъ гостей... Хорошій князь!.. И сидитъ онъ у столба... Слышите ли какъ онъ хохочетъ? Какъ далеко расходится дикій его хохоть... и пустѣетъ лѣсъ густой отъ этого смѣха... а въ селахъ люди блѣднѣютъ отъ страха... Хорошій князь!.. Съ нѣмцемъ онъ поцѣлуется, нѣмецъ дастъ ему дѣвку блѣлую... А вы, кметы, должны молчать, потому что нѣмецъ дастъ ему свои мечи и всѣхъ недовольныхъ онъ изрубить.... Хорошій князь! хорошій князь!..

Кметы хоромъ повторили припѣвъ Слована: «хорошій князь!» Обѣ его пѣсни смутили одинаково и Мышковъ и ихъ противниковъ. Слованъ умолкъ, понурилъ голову и, подпершись о землю рукою, отказывался болѣе пѣть.

Понемногу кметы начали шептаться, потомъ стали говорить громче и снова шумъ и крикъ стояли надъ городищемъ.

Солнце, все ниже опускаясь, съ каждою минутою готовилось укрыться за лѣсомъ, а старшины, замѣтивъ, что вѣчу видно не суждено придти къ какому нибудь рѣшенію, по нѣскольку человекъ размѣстились по городищу, сѣли на землѣ, каждый въ своемъ обществѣ и принялись за принесенное съ собою кушанье: одинъ принесъ холодное мясо, другой калачи, всѣ имѣли съ собой деревянные и глиняные сосуды, въ которыхъ были медъ, квасъ или пиво.

Мышки пригласили къ себѣ Слована и первую чарку меда поднесли пѣвцу.

— Пусть будетъ по старинному обычаю, сказалъ онъ;—первая чарка богамъ... Лада!

И онъ вылилъ напитокъ на землю. Затѣмъ онъ вылилъ нѣсколько капель для добрыхъ и злыхъ духовъ городища, для бѣлыхъ и черныхъ, чтобы они не мѣшали имъ спокойно отдыхать; наконецъ вылилъ онъ еще нѣсколько капель для душъ отцовъ, которые, невидимые для глазъ, присутствовали на городищѣ... Въ это же время каждая группа ставила на землѣ маленькія ча-

шечки, въ которыхъ лежалъ бѣлый хлѣбъ, предназначенный въ жертву богамъ. Затѣмъ всѣ молча принялись за ѣду.

Старикъ Слованъ ѣлъ очень мало; онъ выпилъ немного меду и снова запѣлъ пѣсню, но болѣе веселую, чѣмъ двѣ первыя. Едва слышали кметы первыя слова хорошо знакомой имъ пѣсни, какъ всѣ хоромъ, даже парни на лугу, стали пѣть ее.

Между тѣмъ солнце опускалось все ниже и ниже. Слованъ запѣлъ новую пѣсню, затѣмъ другую, третью; всѣ онѣ были удивительно похожи одна на другую. Кметы вторили ему: они всѣ эти пѣсни знали наизусть. Наконецъ Слованъ запѣлъ одинъ. Онъ пѣлъ пѣсню о живущихъ на берегахъ Дуная, гдѣ растутъ виноградники, гдѣ львы гуляютъ по лѣсамъ, гдѣ есть драконы и змѣи, гдѣ морскія волны разбиваются о скалистые берега, а солнце сильно пригрѣваетъ. Эта пѣсня очень понравилась кметамъ.

Ночь наступила и окончилось вѣче. Старшины встали, простились другъ съ другомъ, подавая себѣ руки. Всѣ были мрачны, всѣ вздыхали. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть они задумывали о созваніи новаго вѣча.

Кметы начали расходиться каждый въ свою сторону. Вскорѣ городище опустѣло: не осталось на немъ ни одной живой души. Вечерній вѣтерокъ шелестилъ сухими вѣтвями стараго дуба, вдали, на болотахъ, уныло кричали птицы. Звѣзды одна за другою показывались на небѣ. Вѣтерокъ съ луговъ тихо пробѣгалъ къ рѣкѣ.

Воцарилась мертвая тишина.

Вдругъ въ дуплѣ что-то шелохнулось, двѣ руки ухватились за ея край и вскорѣ показалось въ ней окровавленное лицо Зноска. Обнявъ руками и ногами стволъ дуба, онъ соскользнулъ на землю. Онъ упалъ точно мертвый. Долго лежалъ Зносекъ на землѣ, расправляя свои уставшіе члены. Хитрый человѣчекъ сильно страдалъ; онъ стоналъ точно испускалъ послѣднее дыханіе.

Въ лѣсу послышалось ломаніе вѣтвей и шелестъ листьевъ. Зносекъ вздрогнулъ. Бѣжать было поздно. Онъ узналъ своего новаго врага по его тяжелой походкѣ. Зносекъ притворился мертвымъ. Изъ лѣса, едва передвигая ноги, вышелъ медвѣдь. Онъ вошелъ носомъ по землѣ, какъ бы ища чего-то. До ушей Зноска доходило его сопѣніе и хриплые звуки. Медвѣдь направилъ свои желтые, свѣтящіеся въ темнотѣ глаза на Зносека, который не шевелился и не дышалъ. Медвѣдь подошелъ къ нему и точно собака началъ обнюхивать его со всѣхъ сторонъ... Онъ дотронулся до него лапою и отошелъ прочь. Зносекъ видѣлъ, какъ опасный его врагъ медленно подвигался къ полямъ, по временамъ онъ садился на землѣ, лизалъ свою лапу и снова шелъ дальше за добычею или, можетъ быть, отыскивая своего друга, безъ котораго ему стало скучно...

Зносекъ, замѣтивъ, что медвѣдь уже далеко ушелъ отъ дуба, всталъ и стремглавъ бросился бѣжать въ лѣсъ.

